Тайна проклятого герцога. Книга первая. Леди Ариэлла Уоторби

Автор:
Елена Звёздная

Тайна проклятого герцога. Книга первая. Леди Ариэлла Уоторби

Елена Звёздная

Тайна проклятого герцога #1

Могущественный черный маг, повелитель духов ветра, талантливый военный, невероятно богатый человек и двенадцать раз практически вдовец. О герцоге Грэйде рассказывали пугающие истории, а газеты уже несколько лет пестрели сообщениями о смерти очередной претендентки на роль герцогини оттон Грэйд. И женой вот этого страшного и жестокого человека мне предстояло стать. Или тринадцатой по счету невестой, не дожившей до знаменательного дня бракосочетания...

Елена Звёздная

Тайна проклятого герцога. Книга первая. Леди Ариэлла Уоторби

© Звездная Е., 2015

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2015

* * *

– Ну, здравствуй, моя громадная тюремная камера! – мрачно произнесла я, глядя прямо по курсу корабля.

Именно там, сумрачный в лучах заходящего солнца, высился замок, носящий гордое название Гнездо Орла. Огромный такой! И неприступный. Правда, неприступный. Совсем. И мне жаль того несчастного полководца, которому прикажут захватить это! Ибо шесть стен, опоясывающих крепость, двенадцать башен, глыба массива центрального строения – все было мелочью в сравнении с горой, на которую следовало подняться, чтобы напасть на замок! Даже отсюда, с расстояния, на котором можно было бы уместить замок на ладони, я понимала: да чтобы его обойти, сутки потребуются! Хотя кто мне даст там… ходить.

– Леди Уоторби, мы скоро причаливаем, – сообщил капитан.

Грустно взглянула на него, не скрывая ни ужаса от факта прибытия, ни злости на всю эту ситуацию, ни волнения перед знакомством с герцогом оттон Грэйд.

– Леди… – начал лорд Ордас и осекся.

Что он мог мне сказать? Что я тринадцатая кандидатура на роль герцогини? Что герцог способен одним ударом убить лошадь? А если бы и не мог, не беда: лорд все равно боевой маг! Что я очередная бесприданница, семье которой заплатили весьма немалую сумму за этот брак? Что мне всего шестнадцать и мне умирать рано?! Все это я и так знала. Все знали.

– Простите, мне… – начал извиняющимся тоном лорд Ордас.

– Все хорошо, капитан. Спасибо за сообщение, – оборвала я, не желая слышать очередную ложь на тему «все будет хорошо».

И вновь посмотрела на замок. Попыталась улыбнуться… вышло весьма жалко. И все равно улыбнулась: какой смысл плакать, если меня уже продали и в день открытия бального сезона повезли не на бал, которого я так ждала и о котором столько мечтала, а на пристань. В ночь корабль отчалил. Со мной никто не прощался, впрочем, есть предположение, что отец ни матери, ни сестрам не сообщил. Было еще одно, очень странное предположение – он не успел. Нас везли в разных каретах и не дали даже перекинуться парой фраз. Папа хотел что-то сказать, но едва он начал говорить, господин Ирек перебил и попросил

отца уделить ему несколько минут. Они отошли, в это время меня завели на корабль и заперли в каюте. А спустя час продемонстрировали подписанный папой договор.

Брачный договор.

Я стала собственностью герцога Грэйда.

Сумма, выплаченная женихом в качестве подарка родителям невесты, превышала наш годовой доход в двенадцать раз, а в графе «приданое» невесты стоял многозначительный прочерк. Вот так я и поняла, что меня продали. Нет, не хочу вспоминать о том, каким ударом для меня стало известие, что отныне я невеста одного из самых пугающих аристократов королевства.

Багаж догнал меня, когда мы стояли на причале у острова Наас, с вещами прибыло и письмо от отца, в котором содержалось поздравление с предстоящим заключением столь выгодного брака и наставление хранить честь семьи Уоторби и быть достойной дочерью своих родителей. Писал не отец – идеальный почерк секретаря Гетсби я не могла не узнать, и сухие официальные фразы были его. Исключительно все.

– Леди Уоторби, – у господина Ирека был хриплый прокуренный голос, а запах его излюбленного табака ощущался за несколько шагов, – как вы находите Гнездо Орла? Великолепнейшее сооружение, не правда ли?!

Мне хотелось многое сказать поверенному герцога. Очень многое. Например, то, что это его первая обращенная ко мне фраза за все двадцать дней пути.

– Приятно узнать, что я не призрак, – с милой улыбкой обернулась к господину Иреку и замерла.

У поверенного из рук выпала трубка, лицо побледнело, а и так блеклые голубоватые глаза словно стали еще бесцветнее.

– Господин Ирек? – осторожно позвала я.

– Вы… знаете? – хрипло спросил он.

Внезапно заметила, что пепел из выпавшей трубки попал на кружевной ворот и тот сейчас тлеет.

– Господин Ирек, вы… горите.

Проследив за моим взглядом, поверенный вздрогнул, вытащил из кармана перчатку и начал суетливо тушить огонь. Но едва с пожаром было покончено, рыбьи глаза уставились на меня, и тоном дознавателя господин Ирек потребовал ответа на вопрос:

– Вы знаете?!

– Знаю «что»? – уточнила я.

Поверенный заскрежетал зубами. Да так, что казалось, они сейчас крошевом посыпятся прямо на его изысканно подвитую бородку. Но нет, господин Ирек сдержался и ледяным тоном произнес:

– Что вы знаете о герцоге, леди Уоторби?

Поправив шляпку, я спокойно ответила:

– С леди подобным тоном не разговаривают.

Рыбьи глаза нехорошо сощурились, на бледном лице промелькнула неприязненная усмешка, и господин поверенный весьма фривольно произнес:

– Драгоценная Ариэлла, советую прикусить ваш дерзкий язычок – герцог ангельским терпением не отличается. Что касается моего вопроса – забудьте, он не имеет значения, ведь мы уже на месте, не правда ли?

И крутнувшись на каблуках, поверенный оставил меня, совершенно позабыв о правилах хорошего тона. Или он просто не считал нужным быть вежливым со мной. Действительно, кто я такая…

Подняв голову, вновь вгляделась в громаду могучего замка, оплота императорской власти в южных морях. Моя внушительная, холодная,

неприступная тюремная камера. Как же страшно… Ветер ударил в лицо, едва не снеся шляпку… Придержала дрожащими пальцами и вгляделась в едва виднеющийся причал, скрытый тенью величественной горы. Самой высокой на побережье, позволяющей видеть земли на много миль вокруг. И неожиданно подумалось: имей лорд Грэйд магически усиленные подзорные трубы, корабль заметили бы еще два дня пути назад. А сейчас, возможно, кто-то смотрит на меня… Озноб пробежал по коже, почему-то поправила легкий шарф, спасающий от коварного южного солнца, а потом осознала беспочвенность моих предположений – герцог в соответствии с этикетом будет ожидать меня на пристани, но никак не в замке. И снова посмотрела на огромную серую крепость на серой скале в окружении яркой зелени прибрежной полосы острова и синих вод моря. Представилось, как оттуда, с высоты, будет очень тоскливо глядеть на окружающий южный пейзаж, без возможности к нему прикоснуться.

– Леди Ариэлла, – окликнул меня капитан с верхней палубы, – мы меняем курс, вы вернетесь в каюту или будете крепко держаться?

Я улыбнулась. Это было удивительное путешествие, хоть и с печальным финалом, но все же.

– Я поднимусь к вам, лорд Ордас, – ответила, стараясь перекричать скрип мачт, шум бьющихся на ветру парусов и плеск волн.

И, придерживая шляпку, торопливо побежала по палубе, лавируя между суетящимися моряками, готовящими корабль ко входу в гавань, пригибаясь под реями и старательно избегая канатов по причине борьбы с парусами, огромными змеями расползшимися повсюду. Матросы улыбались, по-доброму и немного сочувственно, я перезнакомилась почти со всеми за эти двадцать дней. Наверное, потому, что казалось, что это последние люди, с которыми я могу поговорить, последние истории, которые услышу, последние дни, когда я только младшая дочь лорда и между мной и матросами нет пропасти социального неравенства.

Взбежав по лестнице, оббежала штурвал и стоящего рядом с рулевым капитана, добежала до самой кормы и встала, вцепившись в поручень. Ветер, бросив паруса, решил поиграть со мной – швырнул в лицо золотисто-каштановые кудри, запутался в юбках, вырвал шарф и погнал его над волнами, а едва я, смеясь, попыталась ухватить его за хвост, дернул ленты шляпки и с нею умчался ввысь…

– Локар! – прикрикнул лорд Ордас.

Дух ветра, вознеся мою шляпку на самый верх мачты, как самый настоящий проказник, привязал ее там и вернулся к работе, усиливая, направляя, корректируя морской ветер. А я смеялась, глядя, как моя шляпка реет, словно флаг.

– Если ее там оставить, придется переименовать баркентину в «Ариэллу», – с улыбкой сказал капитан.

Представила, как стремительное пятимачтовое судно «Бросающий вызов» гордо рассекает волны с моей шляпкой в качестве флага, и весело согласилась:

– Пусть остается, мне нравится.

Локар, снова самовольно бросив пост, метнулся к волнам, подхватил мой намокающий шарфик, умчался с ним наверх и на мачте повязал бант! Вышло и вовсе забавно. Я хохотала от души, моряки шутили, что обязательно корабль переименуют, а «Бросающий вызов» упорно нес меня к моей тюрьме.

Вновь повернувшись к приближающемуся берегу, я закрыла глаза и раскинула руки. Мне казалось, что я птица, вольная птица, парящая над волнами. Я не боялась упасть – Локар слишком опытный дух ветра, чтобы позволить кораблю бороться с волнами, и слишком быстрый, чтобы позволить мне упасть… Проверено в первый день моего долгого плавания до края бездны.

– Леди Уоторби, – раздался прокуренный голос господина Ирека, – не слишком ли безрассудное поведение для девушки? Вы не ребенок!

Нельзя же так портить последние мгновения свободы. И не открывая глаз, я зло ответила:

– Да, господин Ирек, я не ребенок, следовательно, не обязана отчитываться перед взрослым, мнящим себя знатоком морали и этики, но не утруждающимся даже банальным прощанием, покидая «не-ребенка» и уж тем более девушку!

Локар расхохотался, закружил спиралью вокруг меня, окончательно растрепав волосы. Оставленный без жесткого контроля корабль, вспарывая очередную волну, окатил брызгами, оставшимися на лице маленькими солеными капельками, и не успели они высохнуть, как на нас наползла тень огромной горы, венчаемой неприступным Гнездом Орла.

* * *

Я ушла в каюту сразу, как мы окунулись в тень горы, торопливо переоделась и, стоя перед зеркалом, заплела тугую ученическую косу, помня, что герцог – сторонник Андейлского свода. Серое дорожное платье с белоснежными манжетами было коротко, лишь на ладонь ниже колена, – мне не успели сшить гардероб, соответствующий возрасту, а надевать одно из нарядных, приготовленных для моего выхода в свет платьев я посчитала излишним. Да и неуместно смотрелось бы днем вечернее белоснежное платье дебютантки с оголенными плечами. Так что я выбрала серое, дорожное, с белым кружевом нижней юбки в тон манжетам.

Надев такую же серую шляпку, натянула перчатки и в последний раз взглянула на себя в зеркало – заплаканные глаза оттенка первых фиалок. «Редкий цвет», – как говорила мама. «Красивый цвет всех лордов лишит покоя», – как шептали мне старшие сестры, рассказывая о балах и приемах, где мне, по их мнению, предстояло блистать… Но вот я стою здесь и едва сдерживаю слезы. Печальный финал, поистине достойный баллад древних менестрелей… И на балу дебютанток никогда не появится последняя Уоторби… Представляю, как Сессиль обрадуется…

– Леди Ариэлла, – раздался осторожный стук.

Хотелось сказать «войдите», но это было бы нарушением всех правил морали.

– Я уже иду, лорд Ордас, – постаралась ответить спокойно.

И лишь вновь глянув в зеркало, поняла, что руки дрожат. Действительно дрожат. Сжала кулаки, постаралась успокоиться и из каюты, в последний раз бросив взгляд на свое временное пристанище, вышла, почти улыбаясь.

Они все хотели меня проводить. У дверей каюты встретил капитан, а выйдя на палубу, я увидела всех собравшихся матросов. С парусов соскользнул Локар, прикоснулся к моей щеке, прошелся по всей длине тугой косы и отпрянул, словно испугался.

– Леди Ариэлла, у нас для вас, как для первой леди, которая путешествовала под парусом «Бросающего вызов», есть подарок, – несколько смущенно начал капитан.

– Большой подарок, – поддержали просоленные, загорелые и такие добрые матросы имперского флота.

Я растерянно взглянула на господина Ордаса, потом на всех остальных. Леди не должна принимать подарки от мужчин, они же знают это, не могут не знать.

– Мы не переступим границ дозволенного, леди Ариэлла, – поспешил заверить меня капитан, – в конце концов, это просто знак внимания и уважения, который, мы надеемся, вы сохраните в памяти об этом путешествии.

– Вы интригуете, – с улыбкой заметила я.

– Никакой интриги, просто подарок прекрасной леди, скрасившей наше путешествие и носившейся по палубе и лестницам с воплями «Море, какое оно огромное!».

Все рассмеялись, даже я, хотя и было немного неловко за свою детскую реакцию на впервые увиденные водные просторы подобного масштаба.

– Вверх, – мягко приказал капитан.

Я вскинула голову, и почти сразу прозвучал приказ бомбардира:

– Огонь!

Выстрел… выстрел… выстрел… И в небе, на фоне нарастающей мрачной громады скалы возникла яркая огненная птица, раскинувшая крылья и мчащаяся навстречу волнам. Я едва не закричала, когда воплощение феникса прошлось

едва ли не коснувшись парусов, но снова выстрел – и птица, став более яркой, воспарила в небеса, туда, где светило заходящее солнце, где не было тени от скалы, на свободу…

Я стояла, смотрела ей вслед и, кажется, плакала. Да нет, не кажется, даже носом шмыгнула, едва птица исчезла из виду.

– Леди Ариэлла, мы вас порадовать хотели, – огорченно произнес капитан и протянул платок.

Уже и не знаю, какой по счету за это путешествие.

– Да просто красиво так… до слез, – ответила я.

Все рассмеялись, я тоже. А потом взглянула в сторону пристани и увидела, что нас ожидают три высокие фигуры. Вновь посмотрела в небо, хотелось засмеяться и полететь вслед за птицей, хотелось обнять всех и каждого на этом прекрасном корабле, хотелось прижаться к грот-мачте и слушать, как поскрипывают паруса на ветру… Если бы у меня была вторая жизнь, я хотела бы провести ее на корабле. Если бы такое было возможно, я бы хотела, чтобы это путешествие длилось вечно… Если бы я еще могла прекратить плакать.

– Знаете, – я вытерла слезы и лучезарно улыбнулась всем, – в моей жизни было всего два путешествия: первое – это паломничество с монахинями Пресвятого по святым местам пешком шесть дней. Так вот, признаюсь честно, искренне и откровенно – вы все лучше монашек, да простят меня святые сестры.

Над «Бросающим вызов» грянул хохот. Хохотали все, даже суровый и сдержанный капитан Ордас.

– «Лучше монашек»! Ну, леди, – рулевой, господин Хаве, вытирал слезы, выступившие от смеха, – ну скажете тоже.

Наше веселье прервал старпом, скомандовавший:

– По местам.

И все тут же вернулись к своим обязанностям – баркентина входила в гавань. А я, я сделала то, что хотела все эти дни.

– Капитан Ордас, – и едва он посмотрел на меня, прошептала искреннее, – спасибо. За все.

Он улыбнулся, достал подзорную трубу, вгляделся в ожидающие нас фигуры и произнес:

– Не могу не сказать, леди Ариэлла, герцога там нет.

Удивленно взглянула на него, а капитан, тяжело вздохнув, пробормотал:

– Занят, наверное.

Я стояла как громом пораженная. Моего будущего мужа там нет! Восхитительно. И хороша же была бы я, спустившись и протянув с поклоном свиток брачного договора в никуда! Как же нелепо я смотрелась бы! Нелепо и неловко!

– Спасибо. – Я подавила очередной порыв просто сесть и заплакать.

Лорд Ордас ничего не сказал на это, он, как и я, все прекрасно понимал, и, кажется, ему, как и мне, было неприятно от ситуации.

– У вашего супруга шрам на правой щеке, остался после схватки с последним белым магом, – вдруг тихо сказал капитан. – Он немного выше меня, худощав, как большинство военных, волосы короткие, черные с синеватым отливом, виски едва тронуты сединой, глаза, как и у всех магов его специализации, – черные. К сожалению, я немного могу сказать о нем помимо внешних характеристик – это сильный, властный и решительный человек, справедливый военачальник, один из лучших магов империи, достойный уважения лорд.

Мне хотелось услышать еще хоть что-то, но капитану, видимо, больше нечего было сказать, что он и подтвердил тихим:

– Мы не общались вне военных совещаний.

– Спасибо, – снова и так же тихо поблагодарила я.

На палубе показался господин Ирек со своей неизменной трубкой и саквояжем в руках. Он вышел, взглянул на пристань, достал подзорную трубу, вгляделся снова, удовлетворенно кивнул и, обернувшись, посмотрел на меня. Скажет, не скажет… интрига.

– Леди Уоторби, – прокуренный голос звучал неприятно, – вы готовы к встрече с супругом?

Подло! Очень.

– Несомненно, господин Ирек, – ледяным тоном ответила я.

Поверенный, кивнув, прошел к корме и, опираясь о поручень, вновь стал набивать трубку. А я негромко сказала капитану:

– Жаль, торта нет под рукой, я бы нашла ему достойное применение.

– Знаете, видимо, господина поверенного совесть грызет, – заметил лорд Ордас. – Говоря откровенно, господин Ирек неоднократно совершал путешествия на борту «Бросающего вызов», но впервые наблюдать его в роли сопровождающего невесты – сомнительное удовольствие. Не говоря уже о том, что моя коллекция вин понесла непоправимый урон. Фатальный даже, я бы сказал.

– Еще и пьяница, – следя за судорожной затяжкой поверенного, выразила я свое неуважение.

Капитан ничего не сказал, он следил за тем, как баркентина подходит к пристани, готовый вмешаться в случае необходимости. Я молчала, чтобы не мешать. И вдыхала запах моря, чтобы не забыть, и старалась не смотреть в небо, туда, куда умчалась огненная птица, чтобы не заплакать.

Впереди меня ждала новая пугающая жизнь, где уже не будет величественного «Бросающего вызов», доброго капитана Ордаса и дружной команды матросов, среди которых я чувствовала себя ребенком.

– Швартовы! – крик старпома.

Мы причалили к пристани в абсолютном безмолвии.

Капитан лично проводил меня по сходням, игнорируя недовольство господина Ирека, и едва я ступила на отшлифованные каменные плиты, передал саквояж с моими личными вещами встречающим. Их оказалось двое, третьим был офицер охраны военного порта, а эти двое лордов имели нашивки военно-кавалерийского отряда – золотую мчащуюся лошадь – на эполетах.

– Добро пожаловать в южную провинцию империи, леди Уоторби, – произнес молодой светловолосый офицер, с некоторым недоумением глядя на длину моего платья.

– Благодарю, – сухо ответила я, мало обрадованная тем, что офицер не соизволил представиться.

Мой тон и мой требовательный взгляд возымели действие.

– Прошу простить, леди. Позвольте представить моего спутника…

Молча посмотрела на господина Ирека – представлять должен он! Даже если брать во внимание упрощенный этикет Юга, где должностному лицу позволяется назвать свое имя в беседе с леди, то второго спутника представлять должен именно мой сопровождающий!

– Леди Ариэлла, позвольте представить вам офицеров гарнизона Гнезда Орла, – пришел мне на помощь капитан Ордас, – старший лейтенант лорд Нахаэлли и капитан лорд Эстон.

Оба офицера чинно поклонились, я присела в реверансе, выпрямилась, а затем, наплевав на этикет и вообще на все на свете, повернулась к лорду Ордасу, схватила его за обтянутую белоснежной перчаткой ладонь, сжала обеими руками и с чувством прошептала:

– Вы останетесь моим самым светлым воспоминанием.

Щека немолодого военного дернулась, словно он хотел мне что-то сказать, но… Я нехотя выпустила его ладонь, он сдержанно поклонился.

– Позвольте вас проводить, леди Уоторби, – произнес молчавший до этого лорд Эстон.

– Это очень любезно с вашей стороны, – стараясь сдержаться, ответила я, – прощайте, капитан Ордас.

– Надеюсь, мы еще увидимся, леди Ариэлла, – тихо ответили мне. – Всего вам светлого.

– Спасибо, – едва слышно ответила я.

Подхвативший саквояж светловолосый лорд Нахаэлли пошел вперед, лорд Эстон, предложив мне руку, повел следом. Завершал процессию господин Ирек.

Когда мы спустились с пристани, я обернулась – капитан Ордас все еще стоял там, на фоне величественной баркентины.

* * *

За пристанью нас ожидала закрытая карета для меня и три лошади для моих сопровождающих, так что следующие два часа путешествия я провела в одиночестве, нервно теребя поданный капитаном платок и досадуя на матовые стекла в карете, несомненно красивые, но совершенно не позволяющие увидеть места, мимо которых мы проезжали.

Ехали достаточно долго, второй час неизменно в гору, так что сидеть ровно у меня не получилось бы, пришлось откинуться на спинку жесткого сиденья.

Потом послышался звук горна, скрип ворот, грохот цепей подъемного моста, и вскоре копыта лошадей простучали по деревянному настилу. Я понадеялась, что путь подошел к концу, но не тут-то было. Еще не менее получаса карета следовала уже по территории крепости. Слышались голоса, но я сквозь оконца могла различить лишь тусклый свет факелов.

А затем карета затормозила. Еще минут десять прошло до того, как господин Ирек соизволил выпустить меня из сумрачного нутра этого малоприятного транспорта.

– Добро пожаловать в Гнездо Орла, леди, – совсем хрипло произнес он, протягивая мне руку.

Откровенно говоря, после его прикосновения появилось желание постирать перчатки, но разве господин Ирек является моей главной проблемой? Увы, нет.

Едва ступив на каменные плиты, я вскинула голову и огляделась. Мы находились во внутреннем дворе, и он, как и все внутренние помещения военных крепостей, масштабами не отличался. Даже неба отсюда был виден лишь кусочек, ограниченный взмывающими вверх стенами. Высокие двери, ведущие в замок, широкими назвать было бы сложно, угадывалась и решетка, падающая сверху при необходимости… Серо, мрачно, камень и сталь, окованное сталью дерево…

Двери перед нами открыл военный, холодно поинтересовавшись паролем для начала. Собственно только услышав его, нас впустили.

В замке оказалось не менее мрачно, чем вне его – серые, ничем не украшенные стены, три лестницы, ведущие из холла в западное и восточные крылья, а также более широкая – в центральную часть, решетки, перекрывающие входы от каждой лестницы в коридоры. Факелы по стенам, застывшие каменными изваяниями шестеро стражников, появившийся наверху центральной лестницы офицер, смеривший нас взглядом, об эмоциональной насыщенности которого в силу расстояния оставалось лишь догадываться, и его мрачное:

– Доложу о прибытии.

И мое сердце сжалось. Я вдруг поняла, что сейчас появится тот, в чьи руки вверили мою судьбу, тот, чьей собственностью я отныне являюсь, тот… о котором ходило столько легенд одна другой ужаснее.

Ожидание было томительным, полным тишины, нарушаемой лишь треском факелов. В столице все освещение являлось магическим, но на военных

объектах – традиционно естественным. Исключительно в целях безопасности. Я всегда любила живой огонь, но здесь и сейчас огонь факелов казался угрожающим, даже зловещим.

Отдаленный звук шагов заставил вздрогнуть. Затем послышался низкий недовольный голос с повелительными нотками… Через мгновение на лестнице показался мужчина в черной военной форме. Замер на миг, затем начал спускаться вниз по ступеням, заложив руки за спину. Высокий, с идеальной осанкой, и плечи были широкие, как у военных, темноволосый. И когда он был на середине лестницы, в колеблющемся свете факелов я разглядела и неровный шрам на щеке, и седину на висках.

Герцог.

Он лишь скользнул по мне неприязненным взглядом, а затем, спускаясь, смотрел исключительно на поверенного. Смотрел зло, фактически презрительно, и лицо при этом казалось каменным.

У господина Ирека нервы сдали еще до того, как лорд оттон Грэйд спустился с лестницы. Более того, поверенный, не дождавшись этого, ринулся к своему господину, но едва открыл рот, был прерван холодным:

– Неужели я имею честь видеть старшую из дочерей лорда Уоторби?

Герцог остановился на лестнице, а торопящийся к нему поверенный после вопроса споткнулся, едва не упал и застыл. Они смотрелись странно – взбешенный черный маг, прямой и мрачный, как скала, на середине серой лестницы без перил, и остановившийся в растерянности поверенный, не успевший преодолеть и пятнадцати ступеней. И неудивительно – лорд задал вопрос на ассаре, наречии восточных племен, которое я понимала по чистой случайности – моя няня была родом из степей.

– Ваша светлость, я… – Поверенный стушевался под мрачным взглядом.

– Неужели вы рискнете утверждать, что этой леди в кукольном наряде двадцать четыре года? – ядовито полюбопытствовал герцог.

Поверенный едва не трясся.

– Мой лорд, – господин Ирек запинался, его голос дрожал, а сам поверенный выглядел весьма жалко, – мой лорд, к сожалению, на момент нашей встречи с лордом Уоторби его старшая дочь уже… оказалась помолвлена и даже… назначена дата свадьбы…

Они продолжали говорить на ассаре, и, вероятно, я, по их мнению, не должна была понять ни слова, только это помогло сдержать вполне обоснованный удивленный возглас. Нарика помолвлена?! А я ничего не знаю.

– Хорррошо, – прорычал герцог, – а как же вторая по старшинству?

Господин Ирек даже сгорбился и ответил едва слышно:

– Т-т-тоже помолвлена…

Быть не может! Элли первая сказала бы нам! Да она бы прыгала по всему дому от радости. Эллин точно не помолвлена!

Между тем странный разговор продолжался:

– И с третьей, я полагаю, та же история? – Тон у герцога был вымораживающий все эмоции, кроме безотчетного ужаса.

– Д-д-даже эта, – совсем убитым голосом подтвердил господин Ирек, – помолвлена… – Он вскинулся и, глядя на герцога, как преданный пес, торопливо продолжил: – Но, к досаде лорда Уоторби, я превосходно разбираюсь в семейном кодексе империи и отлично знаю, что до представления леди высшему обществу договор о помолвке, как устный, так и нотариально заверенный, невозможен. И потому я взял, что осталось.

Я стояла, едва дыша и опустив голову, чтобы скрыть от окружающих свои чувства. Хорошо, что шляпку не сняла.

– Что осталось? – четко разделяя слова, повторил герцог. – Неужели предложенная сумма не впечатлила лорда?

– Лорд Уоторби оказался гораздо более любящим отцом, чем мы полагали, – ответил поверенный.

Я не смотрела на герцога, но мне почему-то показалось, что его взгляд сейчас скользит по мне. Затем прозвучал вопрос:

– И как же вам удалось взять это?!

Меня только что назвали «это», как мило со стороны будущего супруга. Просто до слез растрогана.

– Отказ лорда напрямую был невозможен, вы же знаете, – торопливо ответил Ирек. – Однако он собирался привлечь судебного пристава, но тот задержался в пути… – многозначительная пауза, – и к отплытию баркентины не успел.

– Полагаю, отплытие было поспешным, – холодно произнес герцог.

– Весьма, – подтвердил господин Ирек.

Тишина. Я стояла, все так же пытаясь сделать вид, что не поняла ни слова. Стражи вообще молчали, впрочем, вот как раз они и не должны были ничего понять, причина молчания герцога и его подлого поверенного была мне неизвестна.

– Ирек, – голос герцога стал хриплым, – неужели ничего лучшего не нашлось?!

– Мой лорд, – судя по всему, хуже меня здесь себя чувствовал только поверенный, – двенадцать девушек, мой лорд… Необъяснимые смерти… и пусть ваша непричастность была доказана, но свет, мой лорд, поползли слухи, а похороны леди Акьяр были очень пышными, вы же помните.

– Довелось присутствовать! – саркастично ответил герцог. – Но Уоторби – обнищавший род, наше предложение стало фактически спасением на краю бездны.

– Даже нищие любят своих детей, – едва слышно произнес Ирек.

И снова воцарилась тишина. Я кусала губы, с трудом сдерживаясь, герцог молчал, господин Ирек, видимо, боялся даже дышать.

– Сколько ей? – после недолгого молчания спросил Грэйд.

– Шестнадцать, – поспешно ответил поверенный.

– Сколько?! – переспросил потрясенный герцог.

– Это допустимый брачный возраст… – начал оправдываться поверенный.

– Для Юга, при определенных обстоятельствах! – заорал взбешенный герцог. – За кого ты меня принимаешь?!

От этого окрика вздрогнула я, дернулись даже охранники и совсем сник Ирек. А потом у меня мелькнула невероятная мысль: может, меня сейчас домой отправят?! Это было бы чудесно, это…

– Мразь! – хрипло выразил свое отношение оттон Грэйд. Затем последовали отданные ледяным тоном распоряжения: – Это подобие женщины проводи в западное крыло, посели подальше от моей спальни. Брак заключим через месяц, по прибытию священнослужителя, консумируем, едва девчонке исполнится семнадцать. И не попадайся мне на глаза как минимум сегодня.

Я пошатнулась, осознав, что никто меня не отпустит! Подняла голову и увидела спину, торопливо поднимающегося по ступеням герцога. Утирающий пот со лба господин Ирек, напротив, спускался ко мне с видом только что помилованного человека.

То есть со мной даже не сочли нужным хотя бы поздороваться, не говоря о соблюдении этикета. Это просто оскорбительно.

– Уважаемый лорд оттон Грэйд! – мой звенящий от ярости голос разнесся под высокими сводами замка.

Герцог остановился.

– Мне с вашей спиной разговаривать?! – продолжила я.

Медленно повернулся, встал, сложив руки на груди, от его взгляда озноб прошелся по позвоночнику. И ощущение возникло такое, что меня с первой минуты возненавидели. Пусть ненавидит, но проявлять вот такое откровенное презрение никому не позволено. Достав договор из внутреннего кармана, я подхватила юбки и стремительно взбежала по длинной лестнице, остановившись на три ступени ниже своего будущего мужа.

– Договор, – протянув означенный, произнесла ледяным тоном.

Герцог не пошевелился, молча и зло глядя на меня. То есть попыток соблюдения этикета лорд предпринимать не желал. Молча свернула документ в свиток, молча засунула за широкий пояс военного мундира. Лорд отреагировал чуть вздернутой бровью, я же продолжила:

– Видимо, вы совершенно незнакомы с традициями встречи жениха и невесты. Прискорбно наблюдать столь явный пробел в вашем воспитании. Что ж, просвещая вас по данному вопросу, должна сообщить, что далее вам, уже осведомившемуся о моем путешествии и впечатлениях об оном, а также поинтересовавшемуся здоровьем моих родителей и сестер, следовало устно поблагодарить лорда и леди Уоторби, вверивших собственно меня и мою судьбу в ваши руки, и в соответствии с традициями, в обмен на свиток, передать мне подарок, полагающийся в таких случаях. Увы, я вижу, что подарком вы не озаботились, впрочем, учитывая, что вы не озаботились даже формальным следованием этикету, я не удивлена. Однако в данном случае, полагаю, я имею право получить тот дар, который выберу сама, вы со мной согласны?

И первыми словами супруга, обращенными ко мне стали:

– Я слушаю.

Мило улыбнулась его каменному выражению лица, покорно опустила глаза и тоном прилежной ученицы озвучила:

– Мне следует подумать. Согласитесь, простой подарок в данном случае это слишком… незначительно и не будет соответствовать важности события.

– Согласен, – мрачно подтвердил герцог.

Затем развернулся и, поднимаясь вверх по лестнице, бросил через плечо:

– Озвучите сегодня за ужином, леди Уоторби. У нас с вами состоится приватный ознакомительный ужин, так сказать, соответствующий обстоятельствам и значимости произошедшего.

Мне вдруг нехорошо стало, и вслед герцогу полетело мое решительное:

– Ужин в одиночестве в моей комнате будет лучшим подарком!

Герцог остановился. Медленно повернулся, смерил меня неприязненным взглядом и произнес:

– Как пожелает леди.

Я кивнула, развернулась и сбежала вниз по ступеням к ожидающему господину Иреку. Поверенный нервно указал на лестницу, ведущую в западное крыло, так что, сойдя с одной лестницы, я начала подниматься по второй, спиной ощущая взгляд герцога. Он не двинулся с места до тех пор, пока мы не вступили в узкий коридор.

* * *

Прямо, прямо, прямо, направо, вверх на два этажа, прямо, налево, снова вверх – одним словом, военная крепость. Здесь ничего не было сделано для удобства, исключительно для защиты, и, следуя за Иреком, я рисовала в воображении гипотетического врага, вскарабкавшегося на эту массивную гору, преодолевшего все внутренние дворы и дворики, взгромоздившегося по лестнице и обнаружившего настоящий лабиринт из ходов, поворотов, лестничных пролетов. Так и представился одиозный варвар, рухнувший на колени и возопивший «За что?!». На мой тихий смех поверенный обернулся, окинул недоуменным взглядом и ускорил шаг.

Спустя еще два поворота мы оказались у широкой галереи, освещенной магическим светом, украшенной картинами, изображающими морские пейзажи,

и полом, устланным великолепным ассирейским ковром. Идти по нему однозначно было приятнее, чем по каменным плитам замка.

– Спальня герцога, – уведомил Ирек, когда мы миновали первую дверь галереи.

Любопытно, зачем господин поверенный мне это сообщил?! Лично мне было совершенно неинтересно, где спальня моего почти супруга, интересовало кое-что другое:

– А это чьи? – поинтересовалась я, когда мы проследовали далее мимо других дверей.

– Здесь будете проживать только вы и герцог, – сообщил поверенный таким тоном, словно вопросы задавать я вовсе не имею права.

А дверей было много – я насчитала восемь прежде, чем, миновав всю галерею, Ирек сообщил:

– Ваши покои, леди Уоторби.

Дверь открылась самостоятельно – магия в замке все же имела место, – и сразу зажглись магические светильники. Несмело войдя в помещение, я увидела кровать. Это было несколько странно, ведь ожидалось как минимум три комнаты, а здесь имелась лишь спальня и неприметная дверь, видимо, ведущая в уборную. Обстановка оказалась донельзя скромной: собственно кровать, столик у зарешеченного окна, одинокий стул почему-то у стены, а не у стола, платяной шкаф в дальнем углу. Ни занавесок, ни ковра, ни даже пледа – постель была застелена грубым серым сукном.

– Поко-о-ои… – не скрывая иронии, протянула я.

Галерея была и то роскошнее.

– Это военный объект, леди, – сухо напомнил поверенный.

Я решила промолчать и протянула руку за собственным саквояжем.

– Ваши вещи скоро принесут, – сообщил мне Ирек, отдав саквояж, – и…

Все так же молча я закрыла дверь.

Не потому что хотела показаться грубой, вовсе нет – просто не хотела показать, насколько я была подавлена произошедшей встречей с будущим супругом. Оставшись одна, бросила саквояж на постель, прошла к окну и распахнула тяжелые ставни. В лицо ударил теплый морской воздух, чуть солоноватый, с привкусом приключений и свободы, и такой… Слезы заструились по щекам, пальцы вцепились в решетку, грубую и ржавую.

А за окном уже была ночь, в небе сияли звезды, на море, словно отражением звездного неба, мерцали фонарики рыбацких лодок, в крепости прозвучал горн…

Дверь открылась без стука, когда я от молчаливых слез перешла к судорожным рыданиям. Естественно, мгновенно перестала плакать и порадовалась тому, что так и не сняла шляпку.

Послышался звук шагов, затем глухой стук, и прозвучал спокойный голос герцога:

– Ваш первый свадебный дар, леди Уоторби.

Промолчала, прилагая все силы к тому, чтобы плечи не вздрагивали и ни один всхлип не вырвался наружу.

– Я полагал, ваше воспитание включало в себя столь несложное правило, как благодарность за подарок.

Отцепив пальцы от решетки и все так же не оборачиваясь, с трудом ответила:

– Я… благодарна.

Изобразить реверанс я в таком состоянии не могла, да и не хотела. И теперь просто стояла и ждала, пока меня оставят наедине с моим собственным горем.

– Ужин в девять, – нарушил недолгое молчание герцог.

– Но… – начала я и осеклась.

– Ужин в девять, – повторил лорд. – Единственной уступкой вашему вздорному нраву будет его неприватность, на большее было бы глупо рассчитывать, а вы мне глупой не показались. Надеюсь, в дальнейшем я не разочаруюсь.

Когда дверь за герцогом закрылась, я сняла шляпку, вытерла слезы, посмотрела на стол – изящная черная бархатная коробочка, видимо, была подарком. Открыв, я увидела золотые наручные часы, инкрустированные бриллиантами. Причем стрелки показывали без семи минут девять. Это не подарок, это издевательское напоминание о моем положении!

Почти сразу раздался стук, и я услышала голос господина Ирека:

– Леди Уоторби, нас ожидают в Зеленом зале, надеюсь, вы уже готовы?

У меня не было слов. Совершенно! Ужин! Мне даже не дали времени переодеться и отдохнуть с дороги, я…

– Господин Ирек, – постаралась говорить вежливо, – передайте герцогу Грэйду мои извинения, к сожалению, я устала с дороги, мне нездоровится и я не голодна.

Молчание, затем нервное:

– Леди Уоторби…

– Всего доброго, господин Ирек, – все так же вежливо сказала я, подошла к двери и с чистой совестью заперла ее на засов.

За маленькой боковой дверью обнаружилась вполне роскошная ванна и уборная. Чистые полотенца и отутюженный шелковый халат. Спать я легла голодная, но не это было моей главной проблемой.

* * *

Утро началось с горна!

Окно так и не было мной закрыто, и проснуться пришлось одновременно со всем гарнизоном – на рассвете. Но вставать не хотелось, даже несмотря на то что кровать оказалась жесткой и неудобной, белье грубым и неприятным, одеяло слишком тяжелым, так что, стоило укрыться, становилось жарко, а без него было холодно. Измученная полубессонной ночью, я попыталась вновь заснуть, когда услышала шаги по коридору, женские голоса, скрип дверей…

Открыла глаза, поняла, что светает. Потом послышался снова женский голос, на этот раз уверенный и достаточно громкий… от сердца отлегло. Это точно были не призраки.

Покрутившись еще некоторое время, я все же погрузилась в беспокойный сон.

* * *

Стук в дверь и вежливое:

– Леди Уторби, герцог ожидает вас к завтраку.

Желудок проснулся раньше меня и достаточно громко напомнил, что голодать не желает. Медленно сев на постели, я ответила:

– Доброе утро, господин Ирек, мне требуется несколько минут.

– Пять! – прозвучало из-за двери.

Интересно, где господин поверенный видел леди, способную собраться за пять минут?! Интересным оказалось и другое – перед гардеробом выстроились мои чемоданы, хотя засов, как и прежде, был задвинут. Недоумевая по данному поводу, я умылась, надела одно из своих ненавидимых всей душой утренних платьев, нежно-розовое с оборочками и рюшечками. Одевала я его до этого всего раз, собственно после того, как тетушка Либби подарила мне его на

пятнадцатилетие, упустив из виду тот факт, что мне не десять. Платье выглядело откровенно детским, я в нем смотрелась как кукла, не хватало лишь банта в волосах. Впрочем… Через минуту оборка с нижней юбки была оборвана и очередную тугую косу украсил бант. Огромный и розовый.

Глянув на часы, убедилась, что сборы заняли полчаса.

И с самым гордым видом я распахнула двери своей индивидуальной тюрьмы – за ними, с поднятой, видимо, для стука рукой, обнаружился господин Ирек. Вполне себе живой, румяный и довольный жизнью… до того, как меня увидел.

А вот узрев, стал мертвенно бледным.

– Л-л-леди Уоторби, – пробормотал он, разглядывая пышную юбку, из-под которой торчали кружева по-детски длинных панталончиков… розовых. – Вы… вы… знаете, серое платье было бы куда уместнее, вы в нем смотритесь старше и…

– Доброе утро, господин Ирек, – вежливо, мило и невинно произнесла я, прерывая его сбивчивую речь, – знаете, я бесконечно голодна.

Лицо поверенного исказила странная смесь страха и ярости. Но он сдержался, мрачно взглянул на меня и произнес:

– Я хотел бы вам кое-что показать. Следуйте за мной.

Господин Ирек прошел не более десяти метров, остановился у распахнутой двери, указал мне на нее и возвестил:

– Хорошее поведение. – Затем указал на дверь, ведущую в комнату, где я провела ночь, и добавил: – Плохое поведение.

Затем на меня был направлен вопросительный взгляд. Молча обошла его, прошла в указанное помещение и остановилась – это уже были покои. Две комнаты, спальня и гостиная, три широких окна с изящной кованой решеткой, розово-малиновые шелковые занавеси, мягкие ковры, постель, при одном взгляде на которую спать хотелось, цветы на окнах, на столике, цветы в

массивных узорных вазах по углам.

– Вам нравится? – поинтересовался поверенный.

Я соизволила кивнуть.

– Это – ваше вознаграждение за хорошее поведение, – уточнил озвученную ранее информацию господин Ирек, – переодеваетесь в серое платье и вселяетесь сюда сразу после завтрака. Вам понятно?

Если он хотел меня оскорбить – у него получилось. Если призвать к благоразумию – он достиг обратного эффекта.

– Я весьма голодна, господин Ирек, – холодно произнесла, стараясь удержать улыбку на лице, – будьте столь любезны сопроводить меня в столовую или где у вас тут принято есть. Надеюсь, не на конюшне, впрочем, я уже ничему не удивлюсь.

Поверенный дернулся.

– Леди Уоторби, вы…

– И да, прежняя комната устраивает меня в большей степени, – ядовито добавила я.

В столовую господин Ирек шел как обреченный на казнь, с каждым шагом замедляя движение. Я же запоминала дорогу – по галерее до конца, вниз по лестнице, снова вниз, поворот налево, выход на террасу.

Собственно выход оказался достаточно неожиданным, вот только что мы следовали по темному коридору, всего несколько шагов, и мы на белом каменном полу залитого южным солнцем пространства. И я утратила дар речи! С этой террасы открывался восхитительный вид на залив! Огромный залив. С яркой береговой линией! С зеленью тропических лесов! С водой, сверкающей в лучах утреннего солнца!

– О, Пресвятой, как красиво! И море! И вода голубая! И там песок, белый! – Только услышав восторженное восклицание, это и последующие, я поняла, что они принадлежат мне.

Позади раздалось злое шипение:

– Вы еще начните вопить «Море, какое огромное!» и носиться за моряками! Леди Уоторби, возьмите себя в руки, вы не ребенок, и на вас… смотрят!

Вздрогнув, я взглянула на террасу и увидела поднявшихся, видимо, при моем появлении, офицеров и герцога Грэйда. Первые окидывали меня удивленными взглядами, последний откровенно побелел, не отрывая взгляда от кружев на моих панталонах. Про море пришлось забыть.

– Доброе утро, – весело воскликнула я, – а вы видели, какой этот залив красивый?

За моей спиной застонал поверенный.

А я, весело и едва ли не вприпрыжку, подбежала к столу, остановилась возле герцога и с самым невинным видом вопросительно посмотрела на него большими, широко распахнутыми глазами, как самый настоящий ребенок. И так изрядно побледневший герцог, казалось в довершение ко всему еще и посерел. Резко выдохнув, он взял себя в руки и произнес:

– Леди Уоторби, позвольте представить вам высших офицеров гарнизона крепости Гнездо Орла.

Вежливая форма обращения ответа от меня не требовала, я и не ответила, я с жаром спросила:

– А мы пойдем сегодня на море?

Его светлость на мгновение закрыл глаза, явно пытаясь совладать с эмоциями, и, полностью проигнорировав мой вопрос, вернулся к соблюдению правил приличия:

– Комендант крепости лорд Вайерн.

Означенный лорд, обойдя стол, склонился передо мной и произнес приличествующее:

– Леди.

Сказал. Как ребенку. А должен был поцеловать мою руку, выражая восхищение собственно мной, как невестой и будущей женой своего командира.

Возникла пауза. Комендант, сообразив, как сильно нарушил этикет, попытался исправиться и нервно схватить мою руку, но, презрев правила хорошего тона, я указала на его эполет и удивленно спросила:

– Ой, а что это за цветочек такой?

Трилистник Северного Королевства – высшая награда за героические достижения во время последней кровопролитной войны. Такими знаками было отмечено всего двадцать военачальников. В качестве вечной признательности трилистники были вышиты на эполетах тех немногих, кто после победы остался служить в войсках империи. Я все это не просто знала, я увлекалась военной историей, а война с Северным Королевством была неизменно предметом моих курсовых работ, потому что стала истинным проявлением героизма и стойкости защитников северных границ.

– Дорогая, – прошипел герцог, – позволь представить тебе…

Я повернулась к нему, похлопала ресничками и спросила:

– А цветочек?!

И лорду Грэйду выдержка отказала.

– Прошу прощения, я на минуту, – прорычал он, развернулся и чеканным шагом с неестественно прямой спиной покинул террасу.

Едва мой будущий супруг оставил меня наедине с лордами-офицерами, я, не сдержавшись, дала волю своему любопытству и, повернувшись к так и застывшему лорду Вайерну, тихо спросила:

– Простите мне мое неуемное любопытство, но позвольте узнать: вы служили под командованием лорда Гибса или его высочества Аннасоа?

Седовласый лорд нервно сглотнул, откашлялся и сипло ответил:

– Его высочества.

Вот теперь голос сел у меня, я просто поверить не могла.

– Вы правда участвовали в обороне Заалы? – восторженным шепотом спросила я.

Не знаю, кто был поражен больше – я, увидев одного из легендарных защитников этой величественной крепости, что фактически удерживала врага на месте четыре месяца, дав возможность императорской армии собраться с силами и нанести удар, или он, явно не ожидавшей такой осведомленности от юной леди. Но военные на то и военные, и, отойдя от изумления, лорд Вайерн величественно кивнул.

Момент моего собственного радостного изумления попытался испортить господин Ирек, визгливо воскликнувший:

– Леди Уоторби!

– Ах, отстаньте, – не слишком вежливо отмахнулась я, – у меня тут живой представитель отряда семи, легенда военной истории нашей империи, а вы… – И забыв про поверенного, я протянула руку лорду со словами: – Ариэлла. Очень польщена встречей с вами, вы… даже слов нет, вы… Вы мне расскажете хоть что-то из истории обороны Заалы? Пожалуйста.

– Должен признать, я тоже польщен. – Лорд осторожно пожал мою ладонь. – Редко можно встретить знатока современной истории среди… мм-м… подрастающего поколения. Обязательно расскажу вам все, что смогу вспомнить.

– Спасибо, – с чувством поблагодарила я. – И не будете ли вы так любезны, представить мне…

Я запнулась и просительно посмотрела на героя одной из самых разрушительных войн в истории.

– С удовольствием, леди Ариэлла. – Лорд Ваерн чуть склонил голову и начал меня знакомить с остальными: – Позвольте представить вам лорда Соера, правую руку герцога и одного из самых бесшабашных капитанов Эльской кампании. Не поверите, он умудрился с одним барком и отрядом в шесть человек захватить флагманский корабль Эльской армады.

Невысокий рыжеволосый мужчина с серьгой в правом ухе укоризненно взглянул на коменданта, поклонился и прикоснулся губами к моей руке.

– О, приятно познакомиться, – начала вежливая я, – и что, правда захватили?!

Лорд выпрямился, неожиданно задорно улыбнулся и уже собирался ответить, как вдруг на террасу вернулся герцог. С каменным выражением лица. Не знаю, какое у него обычно выражение, я другого и не имела чести наблюдать, но все почему-то перестали улыбаться.

Все, кроме меня. Я с самой наивно-восторженной улыбкой дождалась, пока герцог подойдет на достаточное расстояние, и не менее восторженно воскликнула:

– А мы будем кататься на корабликах?

Оттон Грэйд казалось стал еще прямее, подошел, взял меня под локоток, сопроводил к месту по правую руку от его главенствующего над столом места, силой усадил, галантно пододвинул стул и демонстративно сел за стол. Очень демонстративно. Все офицеры мгновенно расселись и даже принялись завтракать… И только господин Ирек остался стоять, беззвучно открывая и закрывая рот и самым беспардонным образом указывая на меня пальцем.

– Что?! – хмуро вопросил герцог.

– Господин Ирек, вам плохо? – самым милым голоском спросила я. – Мама всегда говорит, что для того, чтобы оставить все плохое позади, нужно просто покрутиться на месте. Попробуйте, уверена, что вам поможет.

Присутствующие офицеры, давясь улыбками, вернулись к завтраку. Герцог молча, но очень выразительно взял мою тарелку, положил в нее три ложки овсянки и вернул, столь ненавязчивым образом намекая, что мне пора бы помолчать. Я же, воззрившись на блюдо, нахмурилась и капризно заныла:

– Не хочу кашу, хочу пирожные!

Тарелка улетела куда-то за пределы видимости, и где-то там, далеко, послышался звон разбившегося о скалы фарфора. Герцог же самолично поднялся, дотянулся до серебряного блюда, накрытого крышкой, отшвырнул и ее и водрузил передо мной целое блюдо, наполненное пирожными с белоснежным воздушным кремом.

– О, вы такой добрый, – пропела счастливая я и добавила мстительно: – Совсем как мой папа.

Лицо оттон Грэйда вновь приобрело сероватый оттенок.

На этом у господина Ирека сдали нервы.

– Мой лорд, она… она…. Она просто…

– Сядь! – скомандовал герцог таким тоном, что поверенный едва не устроился прямо на полу. Но удержался и направился в дальний конец стола, ежесекундно оборачиваясь и бросая на меня весьма угрожающие взгляды.

Лорд оттон Грэйд на меня не смотрел вовсе, любуясь исключительно содержимым своей тарелки. Не ведаю, что он мог там разглядеть помимо все той же овсянки с мясным соусом, но вопрос был задан не ей, а мне:

– Леди Уоторби, надеюсь, вам понравилась ваша новая комната?

– Мм-м, – я взяла первое пирожное и теперь крутила его задумчиво, – которая за хорошее поведение?

– Что? – Черные глаза окинули меня недоуменным взглядом.

– Мм-м… – я подумала, что так близко к герцогу сидеть как-то жутковато, надо бы отодвинуться подальше, – комната, которую мне показали утром и обещали за… хорошее поведение.

– Что?! – определенно у последнего представителя славной военной династии оттон Грэйд имелись сложности с пониманием. – Леди Уоторби, я сожалею, что комнаты не были готовы к вашему приезду, и потому вам пришлось провести ночь в условиях, не подобающих леди вашего происхождения, но за ночь комната для вас была подготовлена. Вам понравилось?

Молча и выразительно посмотрела в дальний конец стола, где как раз собирался присесть господин Ирек. Очень выразительно.

– Леди Ари… Ариа… Уоторби?! – потребовал ответа герцог.

Приказным тоном потребовал.

– Да-а-а, – протянула капризно, он удовлетворенно кивнул, а я добавила: – Память у вас совсем как у моего дедушки.

Герцог вновь уставился в свою тарелку, вот только дышал очень тяжело и ложку сжал с неимоверной силой, я же, пользуясь временным замешательством будущего супруга и тем, что пирожное все еще находилось в моей руке, а господин Ирек как раз смотрел куда-то в залив, молча и мстительно запустила пирожным в него! К моему искреннему изумлению, летящий явно мимо снаряд перехватил один из офицеров и ловким движением руки бросил на стул поверенного, а после весело подмигнул оторопевшей мне.

Все участники событий, за исключением воззрившегося в собственную тарелку герцога и ничего не заметившего поверенного, замерли.

Господин Ирек, присев, несколько удивился необъяснимому «крак». А после на его лице отразилась непередаваемая смесь изумления, осознания, сконфуженности и в итоге окончательной дезориентации!

– А я всегда утверждал, что курение табака вредно сказывается на здоровье, – ни к кому не обращаясь, произнес комендант крепости.

Господин Ирек мгновенно стал пунцовым! Ослабил ворот рубашки, а затем, осторожно приподнявшись, проверил рукой под собой… замер, едва пальцы обнаружили искомое, вынул руку и оторопело уставился на крем.

– Нет, все-таки я хочу овсянку, – капризно протянула я, отодвигая пирожные.

Оттон Грэйд поднял голову, увидел замершего в полуприседе поверенного, оглядел давящихся смехом офицеров, и над столом прозвучало его ледяное:

– В чем дело?!

Мило улыбнулась жениху и напомнила:

– Хочу овсянку.

Закрыв глаза, герцог судорожно выдохнул. Второе пирожное было пущено прицельно в Ирека и попало аккурат чуть ниже ворота, зрительно продлив кружево рубашки.

– Леди… Уоторби, – не заметивший полета и попадания снаряда, герцог открыл глаза и воззрился на меня, – я просил бы вас быть более определенной в своих желаниях. Ирек, да сядь уже!

Демонстративно разведя руками, я беззаботно ответила:

– Видите ли, мы, дети, так непостоянны, – и улыбнулась широко, светло и радостно.

Глухой полный страдания стон был слышен отчетливо, после чего герцог щелкнул пальцами. На террасе мгновенно появилась полноватая женщина в

переднике, красная, вытирающая слезу и едва сдерживающая смех. А еще восторженно поглядывающая на меня. Я же взглянула на дверь, из которой она появилась, и поняла, что у нашего спектакля имелись зрители.

– Да, мой лорд, – произнесла женщина, сделав неловкий книксен.

Не глядя на нее, оттон Грэйд хрипло произнес:

– Овсянку леди Ари… Арио…

– Ариэлле, – подсказала служанка.

Недоуменный взгляд герцога стал еще недоуменнее, едва он оценил внешний вид женщины, и, естественно, тут же последовал вопрос:

– Что с вами?!

Я молча прижала палец к губам, умоляюще глядя на прислугу. Женщина широко улыбнулась и кивнула, герцог мгновенно перевел взгляд с нее на меня… мы оба посмотрели на мой палец, я не нашла ничего лучше, кроме как слизнуть с него крем. Герцог мгновенно отвернулся.

– Сию минуту, – торопливо ответила женщина и поспешила уйти с террасы.

Ничего не понимающий герцог молча проследил за ее уходом. А я, кинув быстрый взгляд на Ирека, мстительно потянулась за очередным пирожным.

– Леди Уоторби! – возопил поверенный. – Вы… вы чудовище! – его вопль прогремел над террасой. – Вы… исчадие преисподней! Вы…

– Ирек, – тихий голос герцога подействовал как ушат ледяной воды.

Поверенный вытянулся словно на параде, затем молча повернулся и гордо покинул завтрак. На черном камзоле было отчетливо видно белое пятно крема с останками раздавленного пирожного…

И странное дело, с его уходом я вспомнила, что очень хочу есть, и радостно улыбнулась вернувшейся с подносом женщине. Я улыбалась ровно до слов герцога:

– Прискорбно осознавать, что в семействе Уоторби не уделялось достаточно внимания воспитанию детей.

Я не стала вступать в дискуссию и благодарно кивнула служанке, расставившей передо мной приборы и чайный набор. Впрочем, и герцог умел делать значимые добавления к сказанному:

– Госпожа Винслоу, леди Ариэлла наказана, ровно неделю я не желаю видеть ничего сладкого на столе.

Судорожно выдохнув, я обреченно пожала плечами и грустно заметила:

– Вот и папенька всегда меня сладкого лишал.

Дальнейшая трапеза проходила в совершенном молчании, разве что офицеры старательно сдерживали улыбки, а герцог едва не скрипел зубами.

Первыми нас, извинившись, покинули офицеры, затем поднялся, так толком и не поев, герцог. Сослался на дела, пожелал приятного аппетита и тоже ушел. Недолго думая, поднялась и я и, захватив со стола сочное яблоко, отправилась гулять по замку, потому как ничего иного мне и не оставалось.

Дорогу я теоретически помнила – от входа следовало повернуть направо, затем два лестничных прохода наверх, и я в галерее, где расположены двери, ведущие в спальни. Но, поднимаясь по первому лестничному пролету, я вдруг подумала о прошедшей ночи. О моем приезде герцог знал, не мог не знать, так почему же комната оказалась, по его словам, «не готова»?

Вот если подумать исключительно гипотетически, невеста удовлетворяющего возраста прибывает в замок… а комната не готова. И меня терзают смутные сомнения по поводу того, где герцог предложил бы ей провести ночь! А терзаться сомнениями я не особо любила и потому решила проверить возникшие подозрения.

Взбежав по лестнице, я вышла в галерею и увидела двух женщин, переносящих цветы из покоев герцога в покои, по его же словам, отведенные мне. Собственно, обе двери находились рядом. И я все поняла!

Он бесстыдник!

Кровь прилила к щекам, даже уши гореть начали! Ночевать в одной комнате с мужчиной! Пусть даже женихом! В одной комнате! Нет, он, естественно, как воспитанный лорд, спал бы одетым поверх одеяла, в этом нет даже сомнений, но все же!

– Леди Ариэлла, – голос герцога прозвучал неожиданно близко.

Развернувшись, обнаружила лорда Грэйда на расстоянии в шаге от себя и покраснела куда значительнее прежнего. Лорд был голым! До середины тела, но голым! Совсем! Голые плечи, руки, грудь, живот! И волосы мокрые, и тело тоже!

– О, Пресвятой! – пробормотала я, стремительно отвернувшись.

Пылало все: шея, руки, щеки и уши!

– Леди Ариэлла, вам плохо? – с некоторым сомнением спросил оттон Грэйд.

– Вы… – у меня слов не было, – вы… бесстыдник!

И отвернувшись, я пробежала через галерею, вбежала в комнату, где довелось провести ночь, и захлопнула двери! А перед глазами как наяву стоял голый бесстыдный герцог, не потрудившийся даже прикрыться. И тут я поняла, что он вообще ни смущения, ни стыда не испытывал!

Стук в двери и раздраженное:

– Леди Ариэлла, потрудитесь объясниться!

Объясниться?! Я… объясниться?!

Поспешив к двери, я распахнула ее… увидела голую грудь попытавшегося войти герцога и закрыла снова прямо перед его носом! Было бы по носу, но он успел отпрянуть.

– Леди Ариэлла! – окрик прозвучал грозно.

И я быстро вновь задвинула засов.

– Да что с вами?! – бушевал оттон Грэйд.

После уже просто не выдержала:

– Со мной? – едва не сорвалась на визг. – Что со мной?! Это что случилось с вами, лорд Грэйд?!

– А что со мной?! – голос отдаленно напоминал рев.

– Вы – голый! – громко и возмущенно ответила я.

– Я… что?! – Нет, ревом это уже не было, кто-то заметно осип.

Зато я не унималась:

– Бесстыдник!

За дверью воцарилась тишина, но меня это уже не волновало.

– Невоспитанный, бессовестный бесстыдник! Как можно?! Вы… да это просто неприемлемо!

Там все еще было тихо, совсем. Затем я услышала тихий вопрос на ассаре:

– Пожалуйста, я тебя очень прошу, только не говори, что это воспитывалось при монастыре.

Естественно, я поняла, что вопрос был адресован не мне. Впрочем, господин Ирек почти сразу, тоже тихо и тоже на ассаре, ответил:

– Нет, конечно, я же знаю ваши требования.

– Спасибо, – с чувством ответил его светлость.

А поверенный с заметным напряжением добавил:

– Но вы же понимаете, что обеспечить всех дочерей гувернантками при его бедственном финансовом положении лорд Уоторби не мог, а потому младшая дочь обучалась в лицее Девы Эсмеры…

Тихий, протяжный, полный невыразимой тоски стон и едва слышный голос герцога:

– Я убью тебя, Ирек.

– Но, мой лорд, это же не монастырь!

– Нет, Ирек, – герцог, судя по тону, приходил в ярость, – но следовало бы учесть тот факт, что данный конкретный лицей расположен на территории столичного женского монастыря!

Мне хотелось сообщить этим прикрывающимся ассаром господам, что наш лицей считается одним из лучших в империи, а образование включает в себя многие науки, не доступные светским школам для девочек, но я сдержалась. Между тем разговор продолжался:

– Ты привез мне малолетнюю монашку, Ирек! Малолетнюю! Монашку!

– Мой лорд… – запинаясь, начал поверенный.

Но был прерван взбешенным:

– Мне нужен наследник, Ирек. Наследник! И адекватная, вменяемая жена детородного возраста, а просвещать малолетнюю монашку на тему «Откуда берутся дети» я не нанимался!

– Но, лорд, я уверен… она… она знает откуда…

– Да?! – снова рев. – Она меня голым назвала, Ирек! Голым! А я в брюках, сапогах, и голого на мне только грудь, потому что рубашку не застегнул!

Странно, как-то я рубашку не заметила, там оказалось слишком много голой груди, и на ее фоне рубашка потерялась. С другой стороны, зачем он ее расстегивал?! И кстати, я знаю, откуда дети берутся, нам об этом сестра Далони рассказывала и даже приводила цитаты из Божьего Писания.

– Э-э… – протянул господин поверенный.

– О, путь падшего! – устало выругался герцог. – В общем, Ирек, ты ее привез, тебе за нее и отвечать. Я так не могу, я себя… престарелым извращенцем чувствую. Месяц. Если это, так называемое «леди», не перестанет себя вести как… то пошло все к проклятому магу, я верну этот образец добродетели родителям!

Мое сердце пропустило удар.

– Но мой лорд, вы не можете… вы… долг перед родом…

– Во имя проклятого, Ирек! Я могу лечь в постель с любой женщиной ради рода, но это даже не женщина! И мне плевать, какую клятву ты принес у смертного одра моего отца, я не… Я все сказал.

А я все услышала, лорд оттон Грэйд.

Звук шагов, приглушенных мягким ковром, затем грохот двери, которую в ярости захлопнули. Сам поверенный, видимо, так и остался стоять на месте.

Я тоже. Осталась стоять, не сдерживая счастливой улыбки. Кажется, тюрьмой для меня этот величественный замок все же не станет. Кажется, у меня

появилась надежда. Кажется, благодать Пресвятого сенью укрывает меня.

Стук в двери и усталое:

– Леди Ариэлла.

– Да, господин Ирек, – вежливо ответила я.

– Леди Ариэлла, у вас… другие покои.

– Ага, – я радостно распахнула двери и восторженно резюмировала, – так вот что вы имели в виду под хорошим поведением! Я все поняла, господин Ирек, обещаю в дальнейшем вести себя еще лучше.

И радостная, я, весело напевая, отправилась туда, где уже были мои вещи. В конце галереи показался вышедший из своей спальни герцог, глянул на меня, развернулся и ушел.

* * *

Долго задерживаться в своих новых покоях я не стала – покрутилась перед зеркалом, не удержалась и полежала на постели, а затем, не переодеваясь, отправилась исследовать замок. Для начала я вернулась на террасу, где уже не было ни стола, ни вообще никого. Никого не оказалось и по коридорам, будто вымерли все.

– Леди Ариэлла, – от голоса я вздрогнула, обернулась и увидела ту самую женщину, которая прислуживала за столом, – вы…

– Леди Уоторби, – господин Ирек появился неожиданно, – следуйте за мной!

Женщина мне понравилась – средних лет, чуть полновата, судя по синим глазам и черным волосам, южанка, нос длинноват, пухлые губы, некоторое смущение под моим взглядом и вороватое движение, с которым правая рука была спрятана под передник. И в этом было какое-то несоответствие, что-то едва заметное…

– Надеюсь, вас не испугала моя… давняя травма и… – начала она, отводя взгляд.

– Ариэлла, – представилась я и протянула руку.

С некоторым сомнением женщина протянула свою, представившись:

– Госпожа Маргарет Винслоу.

На ее руке был шрам. Давний, глубокий, с неровными краями. Я осторожно развернула ее ладонь, рассматривая явно последствия пыток.

– Простите, леди, – женщина попыталась отнять руку, – простите, я… обычно ношу перчатки… понимаю, неприятное зрелище…

– Что же здесь неприятного? – Я подняла взгляд на нее. – Это только шрам.

Осторожно отпустила ее ладонь. Госпожа Винслоу нахмурилась, с сомнением посмотрела на мое побледневшее лицо и осторожно спросила:

– Вам плохо?

Смутилась уже я и едва слышно призналась:

– Вас очень жалко… очень.

Звук торопливых шагов и окрик господине Ирека:

– Леди Уоторби! Ваше поведение выходит за пределы дозволенного! Как вы смеете меня игнорировать?!

Даже не взглянув на него, я перевела взгляд навосхитительный в лучах утреннего солнца залив и, совершенно ни к кому не обращаясь, отчеканила:

– Леди не пристало реагировать на в высшей степени оскорбительный тон.

В небе протяжно кричали чайки, где-то там, далеко, послышался выстрел из пушки, а если закрыть глаза и прислушаться, можно было различить шум набегающих на берег волн…

– Леди Уоторби, немедленно поднимитесь наверх! – прокуренный голос господина Ирека прозвучал скрипуче и неприятно. – Иначе, клянусь, я использую розги!

Медленно повернувшись, смерила поверенного внимательным взглядом, затем вежливо проинформировала:

– Считайте это объявлением войны, господин Ирек.

На невыразительном лице промелькнуло искреннее удивление, после чего поверенный герцога резко выдохнул и прошипел:

– Ну, знаете ли! Вы… – под моим пристальным взглядом проглотил готовое сорваться оскорбление и скомандовал: – Ступайте в свои комнаты, леди Уоторби, леди вашего положения не пристало разгуливать без сопровождения! Не забывайте о своем статусе! Наверх!

Молча кивнула, улыбнулась растерянной женщине и, гордо расправив плечи, отправилась в свои покои. Разгневанный поверенный, тяжело дыша и ругаясь на ассаре, шел следом.

Подведя меня к двери, господин Ирек хмуро произнес:

– С завтрашнего дня вам будет предоставлена компаньонка…

– Вы хотели сказать «гувернантка», – не слишком вежливо перебила я.

Дернувшаяся щека и хриплое:

– Вы не настолько молоды, чтобы иметь гувернантку!

Я поправила кружева на пышной юбке, мило улыбнулась и заметила:

– Я не настолько стара, чтобы нуждаться в обществе компаньонки, господин Ирек.

Теперь у поверенного задергалась щека, и в галерее раздался рев:

– Марш в комнату, вздорная девчонка!

Вступать в дискуссию не имело смысла. Развернувшись, я вошла к себе и замерла, обнаружив новый элемент в интерьере – книжный шкаф! Причем книжный шкаф, забитый книгами. С некоторым сомнением оглянулась на господина Ирека и услышала от него:

– Это теперь все ваше.

Вновь окинув взглядом стеллажи с книгами, я не могла не заметить, что все книги имели характерную мягкую обложку и цвет переплета обычно применяемый для литературы, находящейся под жестким запретом в лицее Девы Эсмеры. И не потому, что матушка Эсенс, обучавшая нас словесности, являлась ханжой, а исключительно по причине негативного отношения к пустой литературе. «Желаете приобщиться к красивой истории любви – посетите театр, оцените шедевры мирового искусства, ведь мастерами двигала именно любовь, но не тратьте время на пустые книженции, недостойные даже упоминания!» – нередко говаривала она нам.

– Вульгарные непристойные эротические любовные романы, – кратко охарактеризовала я щедрый подарок господина поверенного. – Полагаю, вы оторвали эту поистине многотомную коллекцию от сердца? Благодарю, очень ценный дар.

Лицо и шея господина Ирека покрылись пятнами, задергались оба глаза.

– Леди Уоторби, я это не читаю! Это… это осталось в замке… от… Это теперь ваше!

Мило улыбнулась поверенному и невинно поинтересовалась:

– Наследство очередной безвременно почившей?

Двери господин Ирек закрыл сам! Да еще и на ключ. Меня фактически заперли наедине с разрушающей мозг, искажающей восприятие, отравляющей вкус литературой. И нет даже сомнений, для чего это было сделано. Как говаривала матушка Иоланта: «Начитавшиеся романов девицы ищут любовь в каждом взглянувшем на них мужчине». Господин Ирек решил заставить меня полюбить герцога?! Напрасно, я читать подобное не буду! Более того, я стану тем самым «образцом добродетели», которое непременно пожелают вернуть родителям.

* * *

Когда в замке провернулся ключ, а следом послышался стук и громкое «Леди Уоторби, герцог приглашает вас отобедать», я как раз завершала с новым образом. Поправив прическу, я еще раз осмотрела себя в зеркале и лишь после этого соизволила ответить:

– Одну минуту, господин Ирек.

На мне было светло-фиолетовое платье под цвет глаз. Пышной нижней юбки под него не имелось, так что я использовала розовую, панталончики с кружевами так же розового цвета и темно-фиолетовые туфельки. Но главным штрихом образа являлись два высоких хвостика, удерживаемые внушительными розовыми бантами – у меня в детстве кукла с такой прической была.

С улыбкой я и направилась к двери, а едва распахнула… нет, определенно господина поверенного скоро удар хватит.

– Леди Ариэлла!

– Да, господин Ирек? – смиренно поинтересовалась я.

– Леди Уоторби!!!

– Я вас внимательно слушаю, господин Ирек, – вежливо напомнила я.

– Леди Ариэлла Уоторби! – захрипел он.

– Нет, вам определенно стоит вернуть себе вашу бесценную коллекцию романов, с ними вы значительно уравновешеннее, господин Ирек, – с самой милой улыбкой сказала я и поинтересовалась: – Вы, кажется, упоминали обед?

И, прикрыв двери, я направилась в конец галереи, откуда, помнится, мы спускались на террасу, где проходил завтрак.

– В другую сторону, – очень тихо сказал поверенный. – Леди Уоторби, вам следует переодеться!

Повернувшись, я, заложив руки за спину, лениво направилась в указанную сторону, не менее ленивым тоном сообщив:

– Господин Ирек, вам следует уяснить, что войны просто так не объявляются.

Я миновала всю галерею, разглядывая морские пейзажи сквозь огромные окна, когда поверенный соизволил меня догнать, обогнать и, вновь употребляя выражения из ассара, устремиться вперед, указывая дорогу.

Насколько я поняла, терраса, где проходил завтрак, в данный момент была на солнечной стороне, и там сейчас стало жарковато. И ничуть не удивилась тому, что обед был накрыт в небольшом саду с пальмами, журчащим водопадом и тенистой беседкой, в которой, стоя и сложив руки на груди, нас уже ожидал герцог оттон Грэйд.

Мне сразу понравилось, как изменилась его поза, едва мы с господином Иреком вышли из-за розовых кустов и ступили на выложенную камнем дорожку, прямо ведущую к беседке. Его светлость напрягся, затем подался вперед, словно желал рассмотреть лучше мой наряд, а после, забыв об этикете, устало опустился на стул и закрыл лицо руками. Именно благодаря этому я позволила себе довольную и даже счастливую улыбку, которую почти сразу заменила бесконечно милым и невинным выражением – именно с такими лицами мы являлись к папеньке после каждой разрушительной выходки, на него всегда действовало.

Сгорбившийся господин Ирек и невинная я, подойдя к беседке, были вынуждены поменяться местами – леди полагалось пропустить вперед. А также леди полагалось встретить, и оттон Грэйд был вынужден подняться, поклониться и

сказать что-либо приятное, комплимент моей внешности, к примеру.

Он и сказал:

– Вы… странно выглядите, леди Ариэлла.

Невинно похлопав ресничками, я заметила:

– Вы тоже… не голый.

Герцог мрачно посмотрел на поверенного, тот сник окончательно. Мне же пришлось постоять минуту, прежде чем лорд вспомнил об этикете.

– Прошу вас, леди Ариэлла, – спохватился он.

Сопроводил меня до места, помог сесть, придвинул стул. Осторожно, искренне веря, что я не замечу, коснулся моего правого хвоста…

– Вам бант не пойдет, – заметила я, расстилая на коленях салфетку, – и волосы у вас короткие.

Герцог мгновенно одернул руку, прошел, сел на свое место. И только сейчас я заметила, что столовых приборов всего два… Резко обернувшись, увидела, что господин Ирек нас уже покинул…

– Что-то не так? – поинтересовался герцог.

Разгладила салфетку на коленях, взглянула на тарелку… вновь разгладила салфетку и, мило улыбаясь, ответила… глядя на колени:

– Нет-нет, что вы.

Почему-то вдруг стало весьма неуютно и даже как-то тревожно находиться в беседке наедине с герцогом. И в саду совершенно никого не было. И на серых стенах замка… И…

– Ариэлла, – широкая ладонь герцога вдруг накрыла мои, расправляющие салфетку руки, причем момент был подобран так, что накрыла обе, остановив нервное движение, – я хотел извиниться…

Большой палец осторожно погладил мое запястье. Резко отдернула руки, салфетка свалилась с колен на каменный пол, я же, вскинув голову, попыталась вежливо улыбнуться, но едва не вскрикнула, не ожидая, что герцог окажется настолько близко. Очень близко! Настолько, что я отчетливо разглядела странный шрам, молнией перечеркнувший правую сторону лица, от внешнего уголка глаза до середины щеки. И жесткую даже на вид щетину, и три морщинки на лбу, и встревоженный взгляд.

– Ариэлла, вы побледнели. С вами все хорошо? – поинтересовался лорд оттон Грэйд.

– Нет! – воскликнула я, пытаясь, отодвинуться настолько, насколько позволял стул. – Мне плохо! Очень.

– Что? – Черная бровь изумленно приподнялась, но герцог и не подумал отодвинуться, напротив – подался вперед. – Вызвать врача?

– Священника! – воскликнула я, отодвигаясь еще немного и чувствуя спинку стула.

– Священника? – в полном изумлении вопросил оттон Грэйд. – Зачем вам священник, Ариэлла?!

И он придвинулся ближе. Я отпрянула и, несомненно, свалилась бы, но предугадавший неминуемые события герцог каким-то неимоверным образом подхватил меня на руки в тот момент, когда стул начал падать.

Стул с грохотом приземлился на каменный пол беседки. Я же, зажмурившись и почти не дыша, замерла в руках вскочившего герцога. Патовость ситуации придали внезапно появившиеся слуги!

– Мой лорд…

– Леди…

– Вызвать врача?

Встревоженные голоса, казалось, раздавались отовсюду. И это придало мне сил, все так же не открывая глаз, тихо попросить:

– Лорд оттон Грэйд, будьте так любезны поставить меня на ноги.

Мою просьбу исполнили с некоторым промедлением, но все же вскоре я стояла на твердой земле и только тогда решилась открыть глаза. Взгляд уперся в пуговицы на рубашке герцога, который и не подумал отойти.

– А врач… – начала какая-то женщина.

Я оглянулась – прислуги в форменной одежде цветов рода оттон Грэйд имелось достаточно, чтобы обслуживать целое поместье. Нашла взглядом говорившую, женщину преклонных лет, и решительно приказала:

– Священника пригласите, будьте так любезны.

Женщина вздрогнула, посмотрела на герцога, и почти сразу прозвучал его хмурый вопрос:

– Зачем вам священник, Ариэлла?!

– Мне?! – Я отошла на шаг, вскинула голову, посмотрела на будущего супруга и совершенно серьезно объяснила: – Он нужен вам, лорд оттон Грэйд! В первую очередь, чтобы исповедоваться в совершенном грехопадении, а разгуливать голым – грех. – Маг побледнел. – А во вторую, только священнослужитель, как покровитель всех верующих, донесет до вас святую истину – к леди по имени имеют право обращаться лишь близкие родственники, лорд Грэйд, вы же к данной категории еще не относитесь! И уж простите, я настаиваю на соблюдении всех правил приличия и до нашего бракосочетания отказываюсь находиться с вами наедине!

На какое-то мгновение мне показалось, что герцог меня ударит. Его глаза яростно сузились, губы были сжаты с такой силой, что побелели, и вся поза выдавала крайнее напряжение. Но только мгновение, уже через секунду оттон Грэйд выпрямился и произнес одно короткое слово:

– Акэлш.

Южное наречие гвельского – это я поняла сразу, хуже другое – я его не учила. Наша группа была поделена по интересам, и я в качестве третьего языка выбрала ланас, северный диалект. Никогда об этом не жалела… до этого дня.

И не успела я в полной мере вкусить горький плод запоздалого раскаяния, как мы вновь остались совершенно одни – я, упавший стул и исполненный холодной ярости последний представитель династии оттон Грэйд. Именно он и произнес:

– Леди Уоторби, я приношу свои извинения за утренний инцидент.

Он шагнул к стулу, поднял его, расположил близ стола и жестом предложил мне сесть. Демонстративно сложила руки на груди.

– Леди Уоторби, – судя по всему, выдержкой герцог не отличался, – я приму к сведению ваши требования, однако сейчас давайте просто приступим к трапезе.

Продолжаю молча стоять.

Резко выдохнув, герцог сжал спинку стула так, что тот затрещал, и отчаянно сдерживаясь, вопросил:

– Что еще не так?

Странный вопрос. Он не выполнил ни единого моего требования, он полностью проигнорировал все сказанное, вернувшись к тому, с чего начали, и не желая идти даже на малейшие уступки! Как минимум за столом мог бы присутствовать лакей, все не так страшно.

– Леди Уоторби, сядьте, – мрачно приказал оттон Грэйд.

– Я вас боюсь, – слова вырвались сами.

На секунду вновь показалось, что он кого-то убьет, но нет, сдерживаясь из последних сил, оттон Грэйд произнес:

– Могу я узнать, чем был вызван ваш безотчетный ужас?!

Пожав плечами, я поправила складки на юбке, скромно опустила взгляд и, любуясь кончиками фиолетовых туфель, мило ответила:

– Несовместимостью статуса вашей супруги, собственно, с жизнью.

В следующее мгновение молчаливый участник происходящих событий с треском скончался. Испуганно перевела взгляд с бывшего тяжелого дубового стула, а ныне обломков, на герцога Грэйда, эти самые обломки с ругательством швырнувшего на пол. Лорд закрыл глаза, постоял немного, видимо, пытаясь вернуть самообладание, и, извинившись, покинул беседку.

Однако радовалась я зря – вернулся он почти мгновенно, неся другой стул. Именно на него мне и было предложено сесть, причем жестом. И отказаться представлялось сродни самоубийству.

Подойдя, осторожно присела, лорд придвинул стул и занял свое место. В абсолютном молчании мне передали салфетку, и едва я расстелила ее на коленях, герцог задал нетривиальный вопрос:

– Вина?

– Леди не пьют, – холодно отрезала я.

Герцог молча наполнил свой бокал доверху. Залпом осушил до дна. Снова налил. Заметил мой взгляд и пить передумал.

– Салат? – был задан очередной вопрос.

Демонстративно огляделась, недвусмысленно намекая, что прислуживать за столом полагается совсем не герцогу. И услышала ледяное:

– В моем доме не прислуживают тем, кто способен обслужить себя самостоятельно! Салат?

Неожиданно поймала себя на мысли, что мне нравится правило, установленное герцогом. Это гораздо проще, приятнее и быстрее, нежели ожидание действий со стороны лакея. Однако лорду Грэйду следовало бы понять, что его собственное правило налагало на меня определенные… да что там налагало, открывало новые горизонты.

– Благодарю, – вежливо ответила я, но едва его светлость потянулся к блюду, добавила: – Однако я способна обслужить себя самостоятельно.

И поднявшись, совершенно спокойно набрала и салат, и паштет, и отварные овощи, избегая разве что странных красных гадов под не менее непонятным мне соусом из фруктов. Обслуживать себя было не впервой – в лицее придерживались строгих правил, так что даже стирка мне была вполне по силам, – а потому, наполнив блюдо, я вновь села на место и приступила к обеду.

Некоторое время герцог молча смотрел на то, как я ем. Затем, наполнив собственное блюдо, также приступил к трапезе. Через несколько минут я встала, наполнила свой бокал водой, вновь присела на стул. Герцог, проследив взглядом за моими действиями, налил себе вина. Несомненно, было бы благоразумнее промолчать, но:

– А матушка Иоланта всегда говорила, что мужчинам в возрасте алкоголь вреден.

Уже делающий глоток герцог поперхнулся, отставил бокал и принялся молча есть. Ел он быстро, с какой-то ожесточенной злостью, и мясо резал яростными четкими движениями. А после отложил свою тарелку с остатками мясного соуса, взял другую, насыпал себе красных морских гадов, полил их каким-то полупрозрачным желтоватым странным соусом, схватил зеленый фрукт с блюда, разрезал, полил все еще и этим соком. Вытер руки, исключительно чтобы этими же руками и приступить к разламыванию членистоногих.

– Так, кажется, я уже сыта, – потрясенно пробормотала, начисто лишившись аппетита от этого зрелища.

Лорд оттон Грэйд перевел недоуменный взгляд с меня на свое блюдо и задал вопрос:

– Вы никогда не пробовали креветок?

Я не ответила, складывая вилку и нож на правой стороне блюда, что означало конец трапезы. Однако герцога мой недвусмысленный намек не впечатлил, и он, разломав несчастное, брызнувшее соком животное на части, извлек белое мясо, обмакнул его в скопившийся на дне блюда соус, затем полил соком зеленого фрукта и, держа все это в пальцах, протянул мне, со словами:

– Попробуйте, уверен, вам понравится.

Окончательно шокированная, я посмотрела на белое мясо морского гада, пальцы герцога, с чистыми, коротко остриженными ногтями, руку, и в конце концов на самого лорда Грэйда, который все так же протягивал мне явно блюдо местной кухни с искренней уверенностью, что я буду есть это столь вопиюще неприличным образом!

– Ну же, леди Уоторби, – поторопил он.

Молча переложила салфетку с колен на стол, так же молча встала и, окинув удивленного моим поступком герцога, заметила тоном, применяемым нашими наставницами:

– Вам следует последить за своими манерами, лорд оттон Грэйд.

Выражение его лица вновь стало каменным. Я же, выйдя из-за стола, изобразила реверанс и добавила:

– И, раз уж нет десерта, прошу меня извинить, я вас оставлю.

Гордо распрямив спину и сложив руки за спиной, как примерная воспитанница, я покинула беседку. Меня хватило на шесть шагов, после чего одно очень нехорошее и неистребимое во мне чувство заставило остановиться. «Креветки». Я вдруг вспомнила, что это блюдо часто подают в императорском дворце как одно из вкуснейших морских лакомств. Нет, выглядело все ужасно, но само

название я уже слышала и сейчас…

– Леди Уоторби? – прозвучал голос несомненно заметившего мою остановку герцога.

«Ариэлла, любопытство тебя погубит».

– Ладно, – крутанувшись на каблуках, я развернулась к столу, – так уж и быть, я это попробую. Но не с ваших рук.

На лице герцога не отразилось никаких эмоций, разве что глаза как-то странно блеснули. После чего последний представитель военной династии оттон Грэйд демонстративно поднес все ту же креветку к губам, съел и сообщил мне:

– Нет.

И усмехнулся.

– В каком смысле «нет»? – поинтересовалась я, возвращаясь к столу.

Лорд демонстративно взял следующего гада отвратительного вида, открутил ему голову, разломал тело, извлек мясо, повторил все манипуляции с соусом и соком зеленого фрукта и спокойно ответил:

– Или я вас кормлю, или не приобщитесь к изыскам южной приморской кухни.

И внимательно посмотрел на меня, даже не потрудившись скрыть провокационную ухмылку. Несколько секунд я не могла поверить в столь вопиющий шантаж, а после… Он первый начал! Мне просто достаточно было вспомнить, что я одна, далеко от дома, в ужасающем положении, и мои глаза распахнулись чуть шире, подбородок дрогнул, глаза медленно наполнились слезами…

Улыбка мгновенно исчезла с лица герцога.

Стремительно развернувшись, я сжала руки в кулаки и, демонстративно пытаясь сдержаться, выдохнула:

– Прошу меня извинить, лорд оттон Грэйд, всего доброго.

И бросилась прочь из беседки. Как-то даже не сразу осознав, что притворные слезы стали самыми что ни на есть настоящими, а потому, когда на выходе из сада меня настиг окрик «Ариэлла», я практически взбежала вверх по лестнице, меньше всего желая видеть сейчас хоть кого-то, и в особенности, герцога Грэйда.

В галерее, едва не столкнувшись с господином Иреком, я вбежала в комнату, закрыла дверь, задвинула засов, прислонилась спиной к двери и только тогда поняла, что оказалась в той самой комнате, где провела вчерашнюю ночь. Почему именно здесь? Возможно, потому что она была дальше всего от спальни герцога?!

– Ариэлла! – крик последнего представителя династии оттон Грэйд раздался в галерее.

Затем послышались шаги пронесшегося мимо этой двери герцога, а следом раздраженное и немного сконфуженное:

– Ариэлла, послушайте я…

– Она там, – очень некстати вставил поверенный.

Я задержала дыхание. Через минуту герцог стоял уже за нужной дверью.

– Ариэлла, разрешите войти.

Молча стою, все так же прислонившись спиной к двери.

– Леди Уоторби, знаете, слезы были совершенно излишни!

Все так же молча вытерла влажные дорожки со щек.

– И я практически не совершил ничего предосудительного!

Ключевое слово «практически».

– Я понимаю, что вам сложно, – продолжал оттон Грэйд. – Должен признать, и мне не просто!

Истинно мужская позиция – эгоизм называется.

– Леди Уоторби, просто вернитесь за стол!

Даже отвечать не собираюсь.

И тут послышалось сказанное на ассаре:

– Это на приказной тон не реагирует, – поделился горьким опытом господин Ирек.

– Не смей называть мою невесту «это»! – на том же языке прорычал герцог.

О, Пресвятой!

– Но, мой герцог, она…

– Избавь меня от своего присутствия, Ирек! Немедленно!

Звук шагов уходящего поверенного был приглушен ковром. Когда они утихли, оттон Грэйд устало попросил:

– Леди Уоторби, пожалуйста, откройте дверь.

Без приказного тона. Я повернулась, отодвинула засов, приоткрыла дверь, чуть-чуть, так чтобы была видна узкая щель, и смотрела я исключительно в пол.

– Я просил открыть, а не приоткрыть, – заметил герцог.

Молча закрыла дверь и задвинула засов.

С той стороны раздалось взбешенное:

– Потрясающе! Леди Уоторби, пожалуй, в деле переговоров с корсарами вам цены не было бы!

С некоторым удивлением я поинтересовалась:

– Почему?

– У вас потрясающее умение идти на уступки. Редкое очень, и я даже больше скажу – впервые с таким сталкиваюсь!

Я помолчала, разглядывая рисунок на двери, и тихо спросила:

– Вы сейчас издеваетесь?

– Нет, – опроверг мое предположение герцог, – это был сарказм. Леди Уоторби, откройте дверь!

Сложив руки на груди, я спокойно ответила:

– Нет, лорд оттон Грэйд.

Тишина, затем хриплое:

– Вы сейчас издеваетесь?

– Считайте это тонкой иронией, – посоветовала я.

Некоторое время герцог не произносил ничего, затем все же задал, видимо, не дающий ему покоя вопрос:

– Вас этому в лицее Девы Эсмеры обучали, леди Уоторби?

– Чему «этому», лорд оттон Грэйд?

В галерее прозвучало ругательство. Тихое, на ассаре, но очень прочувствованное. А затем герцог соизволил высказать свое мнение о моей персоне в столь завуалированной форме как:

– Леди Уоторби, мне любопытно, вы не мечтали посвятить свою жизнь служению Пресвятому?

Вопрос несколько оскорбительный для леди моего положения.

– Задумалась об этом в момент передачи вам брачного договора, лорд оттон Грэйд, – вежливо ответила я.

Еще одно ругательство, а после сдержанно, вежливо и весьма холодным тоном:

– У вас другие покои, леди Уоторби. Всего доброго.

И последний представитель династии оттон Грэйд покинул галерею, не настаивая более на моем обществе.

Еще немного переждав, я вышла и, никого не обнаружив, вернулась к себе. С единственной целью – отоспаться после полубесонной ночи, потому как больше заняться мне было положительно нечем.

* * *

Я проснулась на закате от странного ощущения чьего-то присутствия. В первые мгновения появилось непреодолимое желание засунуть руку под подушку и спрятать очередную не особо дозволительную книгу, а после пришло понимание – я не в лицее. И тихие неслышные шаги не принадлежат ни одной из сестер-воспитательниц. Но поступила я так, как привыкла – расслабилась, контролируя каждый вздох, следила за тем, чтобы не дрогнули веки, и слушала каждый шорох, пытаясь определить, откуда доносится.

Звук удаляющихся шагов, шелест ткани, скрип дерева… скрежет, непонятный, странный, и все стихло. Я лежала еще некоторое время, затем осторожно открыла глаза – никого. Села, осмотрелась – в спальне я была совершенно одна. Осторожно встала с постели, подошла к окну, на мгновение замерла, любуясь

заходящим солнцем, словно окунающимся в морские просторы, затем повернулась и едва сдержала вскрик. Цветок мальвы! Цветок, который сажают на могиле безвременно ушедших, цветок скорби и боли. А еще для всех, кто искренне верит в суеверия – символ смерти! Причем, по существующему с давних пор поверью, если обнаруживший цветок расскажет о нем, смерть приходит быстрее. Еще одно поверье гласило – что прикасаться к растению нельзя по тем же самым причинам!

Меня самым наглейшим образом пытались запугать.

Вновь повернувшись к окну, я подумала, что с гораздо большим удовольствием постояла бы и посмотрела на то, как огромное солнце медленно погружается в воду, но…

– О, Пресвятой! – мой перепуганный вопль должен был прозвучать достаточно правдоподобно. – Только не это!

И я выбежала из спальни, пытаясь изобразить судорожные рыдания. В уборной я некоторое время брызгала водой в зеркало, затем в идеальнейшем порядке раскладывала баночки с кремом и мылами, а после, совершенно нехотя, взбила мыльную пену и умылась, не полностью прикрывая глаза. Веки запекло, слезы хлынули по щекам, глянув на себя в зеркало, я убедилась, что выгляжу испуганной и заплаканной.

Всхлипывая и вытирая слезы, я вернулась в спальню, посмотрела на столик – цветка уже не было!

Мне пришлось вспомнить все неудачи в жизни, бал, на котором я так и не появилась, и ужас перед своей новой жизнью, чтобы разрыдаться максимально достоверно, потому что я совершенно точно знала – за мной следят. А демонстрировать, что их игра не возымела действия, было бы глупо.

* * *

Стук в двери и голос господина Ирека были спасительным светом в беспросветном получасовом представлении с рыданиями в голос. Я вспомнила все, что могла вспомнить, я оплакала даже гибель своей первой куклы, я рыдала

над первым наказанием папеньки, лишившего меня сладостей на год за порчу имущества его влиятельного друга, я даже вспомнила единственный низший балл, полученный на домоводстве. Я так еще ни разу не рыдала в своей жизни, а потому была искренне благодарна поверенному за появление.

– Леди Уоторби, – вновь позвал господин Ирек.

– Да-да, сейчас иду.

Накинув халат, я вышла в гостиную, миновав ее, открыла двери.

– Леди Уо… – начал поверенный и осекся.

Всхлипнув, опустила взгляд.

– Леди, ужин и… только не банты. И… Я жду вас, – добавил господин Ирек и сам закрыл двери.

Пожав плечами, я решила, что раз не банты, то не банты. Про бантики поверенный не упоминал.

Мой наряд к ужину состоял из короткого, почти по колено, белого платья, из-под которого ворохом голубых кружев топорщились нижние юбки. Полосатые бело-голубые чулочки, голубые туфельки, в тон к ним голубая лента, обручем придерживающая волосы. А вот в волосах очень, очень и очень много крохотных голубых бантиков, мне их мама на двенадцатилетние подарила, но все пятьдесят штучек я впервые использовала.

Открыв дверь, я, скромно потупившись, вышла в галерею.

– Ну все! – взревел господин Ирек. – Знаете что, леди, это уже переходит все границы!

Естественно, леди на брань не реагируют, промолчала и я. А поверенный продолжал:

– Вы – исчадие преисподней, леди! И знаете что: одно дело издевательства надо мной, но измываться над герцогом я вам не позволю, слышите?!

Вновь реагирую абсолютным молчанием.

– Вы… вы просто…

– Что здесь происходит? – голос лорда Грэйда вынудил господина Ирека мгновенно закрыть рот.

Я же продолжала молча стоять, опустив голову и стараясь быть безучастной к происходящему.

Звук приглушенных шагов, и герцог, подойдя к нам, повторил вопрос:

– Что случилось?

Я молчала, поверенный, как ни странно, тоже. В следующее мгновение случилось странное – сильные пальцы последнего представителя военной династии оттон Грэйд неожиданно сжали мой подбородок и вынудили запрокинуть голову. Это оказалось так неожиданно, что я не сдержала вскрик, попыталась отступить, но удержавший герцог продолжал внимательно разглядывать мое лицо.

– Вы плакали, – вынес вердикт оттон Грэйд.

Я не дышала, в каком-то священном ужасе глядя на его светлость. А он продолжал меня удерживать, сильно, властно и… удерживать!

– Лорд оттон Грэйд! – вновь предприняла попытку вырваться.

– Да-да, я помню, мне требуется священник, – он как-то печально усмехнулся, – но речь не обо мне. Вы плакали. Причина?

– Отпустите меня! – сама не ожидала, что это прозвучит почти истерическим криком.

Темные глаза герцога словно стали еще темнее. Значит, не только леди не реагируют на повышенный тон. И мне вдруг стало по-настоящему страшно – я принадлежала этому мужчине, целиком и полностью. Его замок, его люди вокруг, его желание здесь единственный закон. С утра это обстоятельство было подзабыто, но в сумерках наши страхи оживают, мой ужас продолжал меня удерживать, даже не осознавая, насколько пугает меня.

– Пожалуйста, – тихо попросила я, испуганно глядя на лорда Грэйда.

Герцог медленно коснулся моей щеки. Я вздрогнула всем телом. Отпустил мгновенно. Отшатнувшись на два шага, резко отвернулась к окну, сжимая кулаки до боли, до розовых полумесяцев от врезавшихся в кожу ногтей.

– Леди Уоторби, – начал герцог.

– Лорд оттон Грэйд, для меня и так мало приятного в данной ситуации, и демонстрация вашего физического превосходства была совершенно излишней.

Я обернулась и взглянула в каменное лицо своего страха. Герцога вполне справедливый упрек взбесил, и мне напомнили:

– Леди Уоторби, начнем с того, что я мог и не отпускать!

– Да, – согласилась я, – и вы с нескрываемым наслаждением мне это продемонстрировали.

Лорд оттон Грэйд с холодной яростью смотрел на меня. Молча отступила еще на шаг к окну. Резко выдохнув, герцог тряхнул головой, пробормотал что-то непонятное, затем, сложив руки на груди, с трудом сдерживая раздражение, задал неожиданный вопрос:

– Сколько лет вы провели в лицее Девы Эсмеры?!

Тон не предполагал даже возможность молчания с моей стороны, пришлось ответить.

– Семь лет, лорд оттон Грэйд.

– Семь лет… – задумчиво повторил он. – С десяти?

Это уже напоминало допрос.

– Мне едва исполнилось девять, когда святой отец Фамио принес письмо матери-настоятельницы моему папеньке, в тот же день я покинула поместье.

– Вот как…

Герцог щелкнул пальцами, свет в галерее стал ярче, и теперь было отчетливо видно, что на его белой рубашке имелся странный рисунок из серебристых переплетенных рун. Собственно камзолом лорд не озаботился.

– Простите мне мое любопытство, – как-то ядовито это прозвучало, да и взгляд, коим окинул меня оттон Грэйд, был далек от доброго, – а вы… покидали стены монасты… лицея на каникулах?

Я с трудом подавила улыбку, мгновенно догадавшись, на что намекал герцог, но не подыграть ему в этом было бы глупо.

– Никогда! – с жаром ответила мгновенно скривившемуся лорду. – Мир, оскверненный грехом, никогда не привлекал меня, и все каникулы я проводила в святых стенах, истово молясь о спасении душ, погрязших во лжи и разврате!

На лице герцога появилась смесь досады, отчаяния и чего-то очень печального, и совсем несчастный взгляд он бросил на побелевшего господина Ирека. О, Пресвятой, надеюсь, лорду Грэйду никогда не доведется прочесть мою далекую от образа праведницы характеристику, ибо тот единственный раз, когда во время каникул я осталась, сестры-воспитательницы не забудут никогда.

– Что-нибудь еще, лорд оттон Грэйд? – вежливо спросила я.

Предполагалось, что упустивший нить разговора герцог ответит отрицательно, однако он сумел собраться, и я услышала поднадоевшее:

– Вы плакали. Почему?

Спрашивал, все еще глядя на Ирека, а господин поверенный выглядел недоуменно ровно до тех пор, пока не поймал мой мстительный взгляд, после чего побелел и уже понял – мы перешли к военным действиям.

– От осознания окружающей действительности, – спокойно ответила я.

Я даже не ожидала, что вопрос последует мгновенно:

– И чем же вас не устраивает окружающая действительность, леди?!

Развернувшись, в упор посмотрела на герцога. Он, пристально глядя на меня, отчеканил:

– Если бы не данная весьма печальная действительность, леди вашего положения никогда бы не удостоилась чести стать герцогиней оттон Грэйд. Следует это помнить, леди Уоторби.

Кровь прилила к щекам! Мгновенно и стремительно! Дыхание перехватило… Да, в юности мы редко осознаем реалии высшего света.

– Что ж, – я улыбнулась будущему супругу, – вам осталось еще припомнить весьма значительную сумму, переданную за эту сделку моему отцу, чтобы я окончательно оценила вашу вызванную печальной действительностью щедрость.

Лорд оттон Грэйд сузил черные глаза и зло ответил:

– Мне не хотелось прибегать к данным аргументам.

– Но вы все же… опустились до них, – ядовито вставила я.

Герцог дернулся как от удара. Взгляд его, казалось, был способен убить на месте. Но я выдержала и даже глаз не отвела.

– Так значит, «опустился», – мрачно повторил он. – Ирек, ступайте в каминный зал, мы вас… догоним.

Я вздрогнула и беспомощно оглянулась на поверенного, но тот, не глядя в мою сторону, покинул нас. Я не рискнула ни попросить его остаться, ни поднять глаза на герцога, едва шаги господина Ирека стихли.

– А у вас весьма острый язычок, леди Уоторби, – голос оттон Грэйда звучал угрожающе. – Соизвольте смотреть на меня, когда я с вами разговариваю!

Пришлось вновь взглянуть в глаза своему страху. Но едва герцог поймал мой взгляд, медленно сделал шаг ко мне, и еще один, и еще – пока не подошел вплотную. Он мне казался громадным и суровым, как эта крепость на вершине горы, таким же неприступным, жутким и безжалостным ко всему живому. Последний представитель прославленной династии оттон Грэйд, герой Сернской кампании, полностью уничтожившей повстанцев в западных районах Даэмры, глава Военного совета ТрансЭрии – я знала о нем слишком много, чтобы не бояться. И я не знала ничего, чтобы чувствовать себя рядом с герцогом в безопасности.

– Чего вы добиваетесь, леди Уоторби?! – вопрос прозвучал неожиданно.

Я резко опустила голову, привычно скрывая в этом жесте смирения истинные чувства, но герцог не мать-настоятельница и не папенька – сжав подбородок, заставил смотреть на себя.

– Я слушаю, – ледяной тон, аристократично-презрительный взгляд и решимость истинного представителя военной династии, чья кровь веками брала штурмом неприступные крепости.

Казалось – солгать равносильно как минимум порке, и я не сумела подавить страх, не смогла сопротивляться, я тихо ответила:

– Расторжения этой нелепой помолвки.

Герцог оттон Грэйд усмехнулся. Жестоко, хищно, презрительно, как водой окатив этим отношением свысока. Впрочем, в тот момент он жесток не был, истинная жестокость прозвучала в его словах:

– Леди Ариэлла Уоторби, вы еще ребенок, но не настолько дитя, чтобы ваша честь находилась вне пределов досягаемости известного светского злословия. Теперь рассмотрим факты – вы прибыли в мою крепость накануне, вы… – усмешка, – провели ночь под одной крышей с мужчиной.

Кровь мгновенно прилила к щекам, я хотела ответить, но оттон Грэйд не позволил, продолжив растаптывать меня:

– При вас не было камеристки, гувернантки или компаньонки, вы лишены дуэньи, следовательно, для всего высшего света империи в вашей ситуации выражения «ночь под одной крышей» и «ночь в постели с мужчиной» тождественны.

Ноги неожиданно ослабли, свет начал меркнуть.

– Вижу, вы окончательно осознали «окружающую действительность», – ядовито заметил герцог, продолжая сжимать мой подбородок и не позволяя даже отвернуться, чтобы скрыть обуревающие после его слов эмоции. – Приятно видеть проблеск осознания в ваших в высшей степени наглых глазах. И я искренне надеюсь, что вы достаточно умны, а ум вы уже проявили, Ариэлла, чтобы начать соответствовать статусу моей невесты и будущей жены, ибо должен напомнить – лично у меня достаточно средств для покупки еще сотни невест, а вот вам не хватит жизни, чтобы смыть подобный позор со своего гипотетически честного имени.

Удар, удар, удар, один болезненнее другого. Я уже давно не смотрела в жестокие глаза герцога Грэйда, глядя исключительно на ворот его рубашки. Но сейчас на мгновение опустила ресницы, чувствуя, как по щекам потекли слезы, однако тут же вновь подняла взгляд и нанесла свой удар.

– По крайней мере, у меня останется жизнь, лорд оттон Грэйд, а вот в том, что, став вашей женой, я сохраню ее, вверив в якобы достойные руки, сильно сомневаюсь, учитывая печальный опыт моих предшественниц.

Меня отпустили мгновенно.

Едва обретя свободу, я решительно обошла герцога, вошла в собственные покои и захлопнула дверь. Засов прочно вошел в паз, и только после этого я позволила

себе сгорбить до этого неестественно прямую спину.

– Ариэлла! – от окрика лорда Грэйда, казалось, дрогнули стены.

– Прошу прощения, я плохо себя чувствую и не спущусь к ужину, – произнесла, стараясь, чтобы мой голос звучал ровно.

А по лицу текли слезы, и на этот раз не притворные.

– Леди Уоторби… а к демонам!

Его удаляющиеся шаги я слышала как в тумане, медленно сползая по двери на пол. О, Пресвятой, за что мне все это? Я должна была танцевать на балах! Я должна была посещать театры, парады, музеи и выставки, я должна была наслаждаться всей радугой чувств, эмоций и развлечений, что дает юность, а вместо этого сижу на полу в холодном каменном замке и упиваюсь жалостью к себе…

* * *

Я не знаю, сколько времени просидела вот так, обняв колени и продолжая плакать над своей незавидной судьбой. За окном уже было темно, из замка не доносилось ни звука, и, судя по всему, все уже спали. Медленно стянула все заколки с волос, бросила на пол, и они россыпью смешных бантиков разлетелись по ковру.

А потом я поняла, что хочу есть. Очень хочу. На обед я практически ничего не съела, ужина как такового не было, а ложиться спать голодной не… Ко всему прочему, я была уверена – госпожа Винслоу непременно согласится накормить меня, да и трапеза пройдет в максимально приятной компании – в смысле в отсутствие герцога!

И поднявшись, я отодвинула засов, а затем осторожно выглянула за дверь – в галерее было пусто, мерцающие магические шары дарили мягкий тусклый свет, едва разгоняя полумрак. Выскользнув из комнаты, я сняла туфельки и босиком, чтобы не дай Пресвятой не разбудить герцога, торопливо прокралась по галерее. Спустилась по лестнице, свернула вправо, прошла немного и…

заблудилась.

Действительно заблудилась!

Развернулась назад, но там вместо лестницы виднелась глухая стена! Ее не должно было там быть, но… Испуганно прижимая руки к груди, я прошла по узкой комнате, открыла дверь и едва не закричала, обнаружив за дверью обрыв! Отступила обратно, пока спиной не уперлась в еще одну дверь, обернулась и поняла, что я уже не в комнате, а в коридоре! Огромном, длинном, с высокими сводчатыми потолками, мрачном и едва освещенном факелами коридоре!

Хотелось закричать от страха, хотелось броситься бежать в надежде встретить хоть кого-то, но это было бы слишком неразумно: а вдруг за очередной дверью снова будет пропасть?! А здесь факелы, значит, военные ходят, как минимум постовые. И я осторожно прошла к стене, села, обняла руками колени и решила дождаться хоть кого-то. Ждать пришлось долго, я продрогла на холодном полу, но идти куда-либо все равно было бы глупо.

Непонятно как, но я уснула. Сначала старалась сопротивляться, часто моргала, всматриваясь в тусклые пространства коридора, а после сон сморил окончательно.

И мне приснился дом, наш загородный, огромный и несуразный, построенный еще пять веков назад и неизменно достраиваемый нашими предками. Мне снилось, что я бегаю по нему в поисках бездомной собачки, подобранной мной в деревне и укрываемой от всех домашних, потому что я точно знала – выгонят. Мне снилось, что я заблудилась, плакала и заснула в левом крыле, обветшалом и заброшенном, а потом меня нашел папа. Укоризненно произнес «Ариэлла», поднял на руки и понес в детскую, к сестрам. И я обняла его за шею, правда почему-то неудобно было, во сне у него шея какая-то высокая оказалась и жесткая, но я все равно прижалась крепко-крепко и попросила:

– Папочка, не выгоняй Бусика.

– Бусика?! – и голос у папы был непривычным, низким, хриплым и странным.

– Он хороший, – прошептала я, уткнувшись носом в его плечо. – А на улице холодно и дождь, и Бусик там будет совсем один, а от одиночества умирают.

– Глубокомысленное замечание. – Папа говорил странно.

Чудной сон, очень. Но мерное покачивание уверенных шагов убаюкивало, а вскоре меня положили на постель в детской, и папа привычно снял с меня очередное испачканное платье, а потом укрыл и осторожно погладил по щеке.

– Я тебя очень-очень люблю, – прошептала я.

Папина ладонь, сильная и чуть шершавая, замерла. А мне уже снились морские просторы и Локар, играющий с моими волосами.

* * *

В эту ночь окно было закрыто, поэтому горн меня не будил – я проснулась сама, с ужасом вспомнив вечер, странные смещения комнат и то, что я должна находиться в коридоре, тускло освещенном факелами. Резко сев на постели, увидела собственное платье, заботливо наброшенное на спинку стула, и широкий атласный пояс, уложенный поверх него. Под стулом аккуратно разместились туфельки, на столике горкой лежали все мои разбросанные накануне заколочки. А рядом, на подушке, я обнаружила сложенный вдвое листок бумаги и, дрожащими пальцами развернув его, прочла: «Леди Ариэлла, пожалуйста, с наступлением ночи не перемещайтесь по замку без сопровождения, это может быть опасным».

И я вспомнила странный сон! И стало более чем очевидно, кого я в состоянии полусна называла папой! И кто меня раздел!

С глухим стоном вновь упав на подушки, я закрыла лицо руками, и мне очень хотелось умереть от стыда! И больше никогда не видеть герцога! И, о Пресвятой, как же стыдно!

Стук в двери, затем женский голос:

– Леди Уоторби, лорд оттон Грэйд ожидает вас к завтраку.

У меня просто не было сил ответить. Но дверь открылась, судя по шелесту ткани, женщина миновала гостиную, подошла к двери в спальню, осторожно приоткрыла, и я услышала ее встревоженное:

– Леди Уоторби, вам плохо?

Мне было очень плохо, мне еще так плохо никогда не было.

– Леди, – женщина торопливо подошла, осторожно прикоснулась ко лбу, – нет, жара нет, или вас знобить начало?

– Нет, – простонала я, все так же закрывая лицо ладонями.

– Леди Уоторби, мне стоит позвать врача? – Я молчала. – Я… я сейчас позову герцога…

– Нет!!! – От моего крика я и сама вздрогнула.

Но тут же убрала ладони, постаралась взять себя в руки и, выдавив жалкую улыбку, произнесла:

– Доброе утро.

Женщина, едва ли сорока с небольшим лет, улыбнулась в ответ, присела в реверансе и представилась:

– Госпожа Оливия Камиера, указом герцога Грэйда ваша личная камеристка с сегодняшнего дня.

– Леди Ариэлла Уоторби, – в свою очередь представилась я.

Госпожа Камиера улыбнулась. Да, глупо представляться, учитывая, что дама уже несколько раз назвала меня, но вежливость и воспитание… О Пресвятой, я не хочу выходить из комнаты!

– Его светлость просил вас поторопиться, – произнесла камеристка.

Я же только сейчас поняла, что женщина назвала себя камеристкой. Значит, это не гувернантка, и не компаньонка, и уж совсем не дуэнья, это прислуга! То есть личность, чьи слова не примет в расчет ни один представитель знати, следовательно, я все еще сплю под одной крышей с мужчиной, оставаясь совершенно без приличествующей моему происхождению защиты. С некоторым сомнением оглядела платье плотной коричневой ткани, белоснежные манжеты, оттеняющие смуглую кожу, аристократичную посадку головы, идеальную осанку, тонкие длинные пальцы изящных рук… Камеристка!

– Мм-м, – поднялась с постели, но почти сразу вновь села на край и осторожно осведомилась: – Госпожа Камиера, могу я узнать о причинах, побудивших вас… согласиться на данную должность?! И… уверены ли вы, что именно должность камеристки…

– Леди Уоторби, – перебила меня женщина, – вы должны обращаться ко мне по имени. Что касается должности, именно она прописана в договоре о найме, подписанном мной сегодня.

Значит, существует даже договор о найме камеристки. Что примечательно – для личных горничных договоры обычно не составляются, мы проходили домоводство, и я это точно знала. Что еще примечательнее – эта дама могла быть кем угодно, но только не служанкой, пусть даже и личной.

– Что вас расстроило? – вежливо спросила госпожа… нет, вернее будет – просто Оливия.

Отрицательно качнула головой, встала, подошла к окну и вгляделась в синие просторы бесконечного моря.

– Я подберу для вас платье, – произнесла Оливия.

Даже не оглянулась, продолжая смотреть куда-то туда, за облака, куда умчался подаренный мне огненный феникс… куда хотелось улететь и мне.

– Белое утреннее платье, – прозвучал голос Оливии из гардеробной, – вы будете в нем очаровательны. И да, герцог просил сообщить, что после полудня вас посетит портниха, вам потребуется новый гардероб, соответствующий вашему статусу и… возрасту.

Среди моих платьев белых утренних было всего два, но помимо них имелось еще четыре сшитых в лицее для воскресных походов в храм. Четыре практически монашеских одеяния! Они даже являлись длинными…

– Оливия, – окликнула я камеристку, – вы не могли бы принести мне стакан воды?

– Простите? – Она вышла из дверей, держа белоснежное украшенное вельскими кружевами платье.

– Воды, – повторила я. – Пожалуйста.

К ее возвращению с никому не нужным стаканом, я уже доплетала тугую косу. Белое строгое платье с длинными рукавами и завышенной талией, серая строгая пелерина с воротничком-стоечкой, серые матерчатые туфельки – матушка Иоланта была бы в восторге от моего образа благочестивой послушницы.

– Но… – начала Оливия, и ее черные глаза заметно округлились.

– Я готова, – сообщила самым вежливым тоном и закрепила конец косы. – Идемте.

– Но, леди Уоторби…

– Вы ведь камеристка, да? – невинно осведомилась я.

Оливия шла впереди – напряженная спина, каменное выражение лица, с трудом сдерживаемая злость. А я все пыталась угадать, кем же на самом деле являлась эта женщина. Быть горничной ей явно ранее не доводилось, в этом нет даже сомнений, а вот аристократические черты лица, жесты, свидетельствующие о достойном воспитании… Странно.

Не менее странным мне показался и наш путь – мы шли наверх. Выше, выше и выше, три лестничных пролета прежде, чем вышли… в саду на крыше. И я остановилась на пороге, с нарастающим удивлением разглядывая цветочные

клумбы, великолепнейшие южные орхидеи, обвивающие карликовые деревья, и стол в дальнем конце этого роскошнейшего из садиков, у стены из горного хрусталя. И вот за этой полупрозрачной стеной открывался вид на материк! На горы и холмы, покрытые тропическими лесами, на реки, сверкающими змеями пересекающие пространство, на города и деревеньки, кажущиеся отсюда лишь скоплением крохотных цветных пятен, на…

Высокая фигура поднявшегося герцога отвлекла мое внимание лишь на мгновение, и я хотела было уже подбежать к хрустальной преграде в стремлении рассмотреть пейзаж, как услышала:

– Доброе утро, Ариэлла.

И мои щеки медленно залились краской. Мне было стыдно за прошлую ночь настолько, что я не сразу обратила внимание на его обращение ко мне.

– Доброе утро, – смущение и стыд медленно отступали, – лорд оттон Грэйд.

Я посмотрела на стол, не оставив без внимания тот факт, что накрыт он был всего на две персоны. Взгляд герцога оказался направлен на кого-то за мной, и, обернувшись, я увидела виноватое лицо Оливии. В следующее мгновение камеристка, поклонившись, нас покинула. Мне же протянули руку со словами:

– Прошу вас.

Даже если опустить тот факт, что я была очень голодна, уйти не решилась бы по очень простой причине – ходить по этому замку в одиночестве я уже боялась.

– Смелее, – приободрил меня оттон Грэйд.

Молча прошла по дорожке, приблизившись, поприветствовала лорда реверансом и направилась к столу. Едва присела, герцог пододвинул мой стул, а в следующее мгновение…

– Всегда ненавидел две вещи – вздорных капризных детей и набожных монашек, – зло произнес он и ловко расстегнул все три пуговки пелерины.

Сдернул серую ткань с моих плеч, смял и выбросил через стену.

– Так гораздо лучше, – с этим словами герцог расположился напротив меня и добавил: – Приятного аппетита.

И принялся за завтрак, даже не глядя в мою сторону. Не пытаясь заговорить, не делая никаких попыток извиниться за свой в высшей степени безнравственный и вопиющий поступок. Он просто ел.

– Ариэлла, – усталый голос и злой взгляд на меня, – искренне сомневаюсь, что вы сейчас менее голодны, нежели ночью. Ведь вы не из праздного любопытства отправились покорять мою крепость?!

Щеки опалило огнем.

– Как мило – юная смущенная монашка, – съязвил оттон Грэйд.

Взяв салфетку, разложила ее на коленях, затем разгладила, затем… увидела кулон, внезапно оказавшийся на моей шее! Капелька бриллианта на длинной цепочке.

– Ваш второй свадебный дар, – невозмутимо сообщил герцог.

У меня задрожали руки и даже подбородок, и пришлось опустить голову, чтобы только лорд не заметил. Заметил.

– Ариэлла, – он с заметным удовольствием произносил мое имя, видимо, наслаждаясь даже малейшим нарушением этикета, – что вас не устраивает в получении второго свадебного дара? Не любите бриллианты?

Мне хотелось бы промолчать, но:

– Вы же… вы же собирались вернуть меня ро… вы…

Герцог перебил меня удивленным:

– Правда? Когда это я был столь… неосторожен в высказываниях?

Я опустила голову еще ниже. Некоторое время слышался лишь свист ветра да отдаленные пушечные выстрелы, затем я услышала тихие слова лорда Грэйда:

– Не могу сказать, что я хороший человек, скорее наоборот, но вот подонком никогда не был. Завтрак, леди, мы не при дворе, чтобы уделять столь незначительной трапезе несколько часов.

Молча положила себе овсянки, также молча начала есть. Рядом со мной, к моему удивлению, находилось блюдо с теми самыми морскими гадами, которых я вчера отказалась пробовать из рук герцога. Но сейчас приобщаться к деликатесам приморской кухни не хотелось совершенно. Я все так же молча пыталась есть кашу, даже не ощущая ее вкуса.

– Кстати, что стало с Бусиком? – вопрос прозвучал неожиданно.

– Умер, – тихо ответила я.

– Сочувствую, – судя по тону, ни капли сочувствия оттон Грэйд не испытывал. – От одиночества?

О Пресвятой, сколько же всего я успела вчера наговорить?!

– От старости, – сухо ответила я. – В прошлом году.

– Мм-м, речь ведь о собаке, как я понимаю? – никак не унимался лорд оттон Грэйд.

– Да. – Я смотрела исключительно в свою тарелку.

– Мм-м, и какой породы был пес?

Как же мне хотелось бы отправить остатки каши в последнего представителя древней военной династии!

– Бусик был дворнягой. – Я не узнавала свой словно лишенный эмоций голос. – Он был маленьким лохматым рыжим псом.

– Полагаю, подарок одной из ваших многочисленных тетушек? – иронично осведомился герцог.

Говорить не хотелось совершенно. Но и промолчать не представлялось возможным.

– Мне было пять, когда я увидела его на деревенской помойке. Предвосхищая ваш очередной ехидный вопрос по поводу помойки – я помогала подруге выносить мусор. Там был Бусик, отощавший и больной. Я его забрала. У него не было левого уха, но было очень доброе сердце. Когда я уехала в лицей Девы Эсмеры, Бусик тосковал, а потом убежал из дома. Он отыскал меня через несколько недель, вбежал сквозь приоткрытые для почтальона ворота, бросился в учебный корпус и нашел меня… Матушка-настоятельница была столь добра, что оставила Бусика при лицее. Его все очень любили… Когда Бусик умер, мы похоронили его в монастырском саду… На его могилке в память о нем мы посадили ромашки. Они такие же яркие, добрые и удивительно солнечные цветы, каким был он. – Я вскинула голову, посмотрела на оторопевшего герцога и вежливо-холодным тоном осведомилась: – Что-то еще?

Мне казалось, после такого оттон Грэйд как минимум повременит с вопросами, но я ошиблась.

– Да, меня все же заинтересовала история с помойкой. Просветите меня, будьте столь любезны.

Я отвернулась, сложила руки на груди, откинулась на спинку стула и промолчала.

– Очень по-взрослому, – насмешливо поддел герцог, а затем жестко добавил: – В любом случае к концу недели я буду знать о вас все, Ариэлла.

Соизволила вопросительно посмотреть на него, оттон Грэйд пояснил:

– Абсолютно все, уделив внимание в первую очередь личному делу и характеристике, составленной на вас в лицее Девы Эсмеры. Уже сейчас опрашиваются ваши соседи, родственники, друзья, если таковые имелись, а что-то мне подсказывает, что друзей у вас немало.

Я побледнела.

– Мм-м, все любопытнее и любопытнее, – протянул герцог. – Полагаю, вы преподнесете мне еще немало сюрпризов, не так ли, Ариэлла?

Мне казалось, что земля стремительно уходит из-под ног.

– Если не сложно, передайте мне графин, – с вежливой улыбкой произнес лорд Грэйд.

Чувствуя себя оглушенной, растерянной и просто растоптанной, я протянула руку к серебряному кувшину и услышала спокойное:

– Хэгра, рейш.

Одернула руку прежде, чем поняла, что он сказал. «Хэгра, рейш» – в переводе с ассара «осторожно, горячее». Я так и замерла, потрясенно глядя на улыбающегося герцога, и его улыбка ширилась по мере того, как до меня доходило осознание ситуации.

– Итак, вы владеете наречием степных племен, – заключил оттон Грэйд. – Невероятно, но вот он, весьма удивительный факт.

– Вы! – Я вскочила, позабыв обо всем, кроме негодования.

Черные глаза герцога откровенно смеялись надо мной, в то время как тон был вполне вежлив, разве что с нотками превосходства:

– А чего вы ожидали, Ариэлла? – Он жестоко усмехнулся. – Я не мальчик, я взрослый опытный мужчина и в силу должности и многих лет работы в области дипломатических переговоров всегда четко реагирую на несоответствия. В случае с вами несоответствий оказалось слишком много, и я только начал

последовательно проверять их. Сядьте!

Я опустилась на стул.

Герцог с улыбкой смотрел на меня. Рассматривал. Внимательно, изучающе, пристально. Взгляд его черных глаз скользил по овалу моего лица, замер на губах, и на какой-то миг мне показалось, что лорд затаил дыхание. В следующее мгновение он посмотрел прямо мне в глаза, спокойно, уверенно, властно.

– Через несколько лет вы станете удивительно красивой женщиной, Ариэлла.

Очень нехорошее чувство медленно растекалось в груди.

– Красивой, уверенной в себе, несколько наивной, искренней. Сейчас утверждать еще рано, но что-то мне подсказывает – собранная информация о вас только подтвердит уже сделанные мной выводы.

У меня возникло ощущение, что я сейчас потеряю сознание, впервые в жизни.

– Возможно, – усмешка, – через несколько лет, просыпаясь с вами в одной постели, я буду сам себе завидовать.

«Просыпаясь с вами в одной постели»?! Я вцепилась пальцами в ткань платья и теперь, едва дыша, в ужасе смотрела на наслаждающегося ситуацией лорда оттон Грэйда. Герцог не сводил с меня насмешливого взгляда. После и вовсе расхохотался и поинтересовался:

– Вас настолько пугает эта мысль, Ариэлла? – Я промолчала, он добавил: – Понимаю, монастырское воспитание накладывает отпечаток на неискушенный ум послушниц.

– Воспитанниц! – неожиданно резко возразила я. – Послушницы находятся в монастыре, воспитанницы обучаются в лицее, мне кажется, разница очевидна.

Герцог улыбаться перестал.

Затем подался вперед, провокационно-насмешливо задал вопрос:

– Собираетесь объявить мне войну?

Господин Ирек! Вот откуда у герцога столь заметные изменения в отношении ко мне! Видимо, господин поверенный является и весьма доверенным лицом. Очень странно для традиционного аристократического отношения к подчиненным.

– У вас… весьма неординарный… поверенный, – медленно произнесла я.

Герцог откинулся на спинку стула, побарабанил пальцами по столу и несколько задумчиво ответил:

– Ирек родом из Ассара, он полукровка.

– Что ж, – я грустно улыбнулась, – мне следовало обратить внимание на два момента – чрезмерная склонность к курению табака и неуважительное отношение к женщинам.

– Да, – оттон Грэйд рассмеялся, – у жителей степей своеобразные ценности, вероятно, вы знаете, что лошадь там стоит значительно дороже жены.

– А овца дороже невесты, – добавила я.

Герцог рассмеялся и укоризненно покачал головой.

– Ариэлла, вы просто очаровательное дитя. Надеюсь, когда-нибудь я смогу посмотреть на вас как на женщину, но даже сейчас, в образе скромной монастырской воспитанницы, вы мне уже нравитесь.

Я вздрогнула, вежливую улыбку удержала, и даже выражение лица не изменилось, но герцог мою реакцию заметил.

– Кстати, удовлетворите мое любопытство, леди Уоторби, – тихим проникновенным голосом начал он, – вам известно, откуда берутся дети, или столь незначительная мелочь как продолжение рода не входит в программу обучения монастырской воспитанницы?

Он так старательно заменял слово «монашка» определением «монастырская воспитанница», что это казалось особо изощренным издевательством. Не менее издевательски прозвучал и мой вопрос:

– Планируете заняться моим образованием лично? Впрочем, судя по всему, вы уже к этому приступили, – не могла же я промолчать о предоставленной мне коллекции дамских романов.

Однако герцог воспринял мой намек по-своему и холодно отрезал:

– Я не извращенец.

Лорд Грэйд отвернулся, некоторое время смотрел на расстилающийся под замком пейзаж, затем добавил:

– Я предпочитаю зрелых женщин, Ариэлла, тех, кому уже за тридцать. Леди же вашего возраста не способны вызвать в мужчине ничего, кроме снисходительной улыбки.

И мне впервые с момента нашего в высшей степени странного разговора стало интересно. Я просто не могла не спросить:

– Что же вас так привлекает в… женщинах указанного возраста?

Насмешливый взгляд и снисходительное пояснение:

– Истинные леди с возрастом обретают то невероятное, что сводит с ума каждого мужчину – женственность. В каждом движении, в каждом взгляде, в изящном повороте головы, в пленительной округлости тела. Такая женщина умеет брать и отдавать, у нее нет сомнений, нет ограничений, она раскованна в постели, знает, чего желает, и уверенно берет желаемое.

Так со мной еще никто никогда не разговаривал. Как завороженная я смотрела в его черные глаза, а щеки пылали с тех пор, как он произнес «раскованна в постели». И я просто не могла понять смысла данной фразы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/elena-zvyozdnaya/tayna-proklyatogo-gercoga-kniga-pervaya-ledi-ariella-uotorbi

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити